

Я из тех мест, где никогда не было
крепостного права и не ступала
нога завоевателя.
Маршал Конев И.С.

Северная «точка»

(использованы материалы газеты «Северная Правда» №№ 5-45, 1997 г.)

Редактор, автор архивно-
исторического материала:

Токмаков Николай Михайлович,
уроженец деревни Б.Стройково

Автор социально-экономического
материала:

Лазарев Борис Иннокентьевич,
Глава Верхнее-Лальской
сельской администрации,
уроженец деревни Сирино

Краеведческая информация,
консультации:

Токмаков Михаил Иванович,
уроженец деревни Б.Стройково

Техническое редактирование:

Чаркова Надежда Евгеньевна,
уроженка деревни Княже

От редакции газеты «Северная Правда». «Мы благодарны Борису Иннокентьевичу за то, что он откликнулся на нашу просьбу и в довольно сжатые сроки написал более трех школьных тетрадей об истории земли верхнелальской, о сегодняшнем дне северной «точки» района и области, о людях, стоявших у истоков развития северного края и ныне живущих...»

1997-2012 г.

Есть на севере Кировской области место забытое богом и властями, но всё-таки что касается властей, они так периодически вспоминают, когда надо взыскать налоги или возложить государственные повинности.

При обзоре карты Кировской области взгляд не сразу падает на неприметную местность на самом севере под названием Верхне-Лалье, буквально превращающуюся в точку на необъятной площади региона. Это и есть Северная точка Кировской области давшая название статье. Иногда ради красного словца районные власти Верхне-Лалье называют «Северной Швейцарией», тем самым указывая на чрезвычайную холмистость местности, но в отличие от настоящей Швейцарии холмистость этой Северной точки доставляет сплошные проблемы в виде непроходимых дорог и ограниченности пахотных земель. Но тем не менее здесь поселился славянский народ. Поводом для переселения далеко не романтические порывы души. Притеснение со стороны Монголо-татарского ига давало миграционные потоки в сторону северных земель, потребность новгородской знати расширять личные владения вызывала организацию военизированных отрядов для освоения неизвестных земель, свободные охотники старались двигаться в сторону малоосвоенных территорий с большим количеством дичи.

В те времена, когда человечество уже любовалось Джакондой кисти Леонадо да Винчи, доживала в роскоши последние десятилетия Византийская империя, астрономами были открыты не только планеты, но и их спутники, - на берегах реки Лалы ещё царили нравы чуть ли не первобытного строя. В таких условиях начали жить первые поселенцы новгородского происхождения. Славяне скорей всего пришли не на пустое место, на северах жили многочисленные племена финского происхождения – Чудь Заволоцкая, в том числе и здесь на берегах Лалы. Плотность заселения была не велика, поэтому пришельцы легко находили себе места для обустройства. Обжившись, они начали занимать охотничьи угодья, принуждать к собственному образу жизни прежних хозяев земель, насаждать религию, но те ребята тоже были с характером. Предпочли удалиться от назойливых новоявленных соседей, были даже случаи самозахоронения в своих земляных жилищах, но не исключена ассимиляция части чудского населения среди пришельцев. Существенного противостояния двух цивилизаций не было, имеются достоверные сведения об единичных столкновениях. Пришельцы имели более совершенные средства обороны и организованы были лучше. Первые поселенцы в основном занимались охотой и собирательством лесных даров, так же как и местное население Чудь. Было немного развито домашнее животноводство, земледелием начали заниматься уже много позднее. Пушнину было легче хранить и сбывать, обменять можно было на любой товар. К тому времени уже существовали поселения по реке Виледь, имевшие устойчивые торговые связи. Быт поселенцев постепенно налаживался, естественно по представлениям того времени.

К слову сказать, на всей Российской территории обустройство жизни было далеко не на высоте, отставая от Европы на сотни лет. Только-только получил власть в возрасте трех лет первый русский царь Иван IV, в последствии названный Грозным. До этого Русью управляли Великие Князья, Грозный был впервые коронован как царь. Рука верховной власти до этих мест вряд ли простиралась. Люди были озабочены только собственным существованием, жизнь многие десятилетия и даже века проходила довольно однообразно и безмятежно в отличии от центральных районов государства. Вот как пишет современник начала 19 века о нас вологжан: «Вологодский крестьянин, предоставленный самому себе, вполне счастлив: он ничего более не желает, никому не завидует. Его благополучие

возмущается только усилиями, которые употребляет правительство, чтобы вывести его из дремотного состояния и развить его деятельность. Вологжанину тщетно объяснять пользу нововведения, у него на уме, а то и на языке вертится готовое опровержение: старики наши жили по старинному, а жили лучше нашего». Насколько такое утверждение справедливо будет понятно прочитав эту статью. Тот уважаемый автор приведенных строк не много, надо полагать, пожил в условиях в которых существовал наш предок, не прочувствовал всего многообразия жизни, прежде чем предложить с восторгом принять на себя затеи правительства.

В настоящее время Верхне-Лальем (Верхнелалье, Верхолалье, Верхнелальский погост) называется село, ещё недавно являвшееся административным центром сельского муниципального образования (в советской терминологии - сельсовета) в верховьях Лалы. Сегодня, как в старину, это опять центр группы деревень на берегах Лалы. Село Верхне-Лалье - это формальное, официальное название. Местные же жители село всегда называли и называют Повостом (Погостом). Верхне-Лалье для уроженцев этой местности всегда будет олицетворять ту малую Родину, в границах которой прошло детство, где стали очевидцами событий определивших их последующую жизнь и судьбу. Во времена расцвета, которые пришлись на 20-40-е годы 20 столетия, здесь насчитывалось 43 деревни с количеством населения почти 3 тысячи человек. Административным центром была деревня Пожарище. Только при создании Сельского Совета центр перевели в село Верхне-Лалье.

Несмотря на давнюю историю Верхне-Лалья до сих пор не существует её документального изложения. Выходцы из Верхне-Лалья разъехались по необъятным просторам Советского Союза, но память их периодически возвращает к своим истокам – малой Родине. Появляется желание как-то прикоснуться к родным с детства уголкам природы, вспомнить земляков. Не всегда возможно это сделать буквально, мало у кого остались родственники которых можно навестить и остановиться в случае приезда. Письменные свидетельства очевидцев о своей Родине частично могут компенсировать трудноосуществимое желание встречи с ней. Настоящее эссе позволит ощутить дух Родины, прочувствовать её историю хотя бы в обозримом прошлом. Текст содержит обороты, характерные для разговорного стиля верхнелальцев, пусть это не смущает читателя. Это не лингвистические ошибки, мы так говорим. После многочисленных редактирований текста такой речи осталось совсем мало.

Осмысливая гипотезы причин появления первых славянских поселенцев в нашей местности и ближайших окрестностях, на ум приходит фамилия семьи Патрикеевых репрессированных Иваном III в 1499 году за самоуправство при ведении переговоров с Литвой. Не имеет ли отношение к этой фамилии название деревни Патрикеево около Лальска? Позднее сюда прибежали Новгородские бояре и их дворовые «обиженные» Иваном IV Грозным во время разгрома в 1570 республиканской вольницы. Похоже, что места были удобны для укрытия в случае опасности, исходящей от властей. Удалённость и необустроенность земель необычайно кстати облегчала жизнь местному населению во времена опричнины Ивана Грозного. Вологодские территории входили в зону опричнины, но реально были недостижимы для диких отрядов этих головорезов, насаждавших новые порядки. Но вполне доступны для беженцев, например Новгородских, где Грозный в течение полутора месяцев чинил расправы над жителями города и окрестностей как близких так и далёких. Утопив и истязав пытками в процессе устроенного «правежа» по разным данным от 20 до 60 тысяч человек.

Упоминание о первых здешних населенных пунктах есть в древних документах, об этом в частности, писала районная газета «Северная правда» в 1996 году. Документы указывают деревню Курьяново с датой основания 1548 год.

Этими документами являются списки, собранные сольвычегодскими писцами Иваном Степановичем Благово и подьячим Василием Архиповым в 1625 году с крестьян Лальской волости Сольвычегодского уезда. Реальный возраст деревень больше. К сожалению в 1715 году во время пожара в Сольвычегодске истребившего более половины города, сгорели писцовые книги, которые могли бы отодвинуть в глубь веков возраст деревень. Лично мои * исследования и сопоставления позволяют утверждать, что к 1380 году, а это год Куликовской битвы, славянские поселения в наших местах уже существовали.

Из рассказов старожилов и преданий передаваемых из поколения в поколение следует, что первое поселение в Верхне-Лалье возникло еще раньше и называлось Городок, потом, предположительно, деревня Зманово, но это только устные предания, за истину принимать нельзя. Возраст археологического памятника Городок ещё предстоит выяснить, возможно это не самое старое поселение на территории Верхне-Лалья, а укрепленное сооружение построенное государством для выполнения специальных функций связанных со сбором налогов, защиты государственных обозов.

Славяне в Верхне-Лалье пришли с Севера, со стороны Виледи, Северной Двины. Это были выходцы из Новгородских земель, прямое тому подтверждение верхнелальский говор (диалект). Нашу речь без комментариев понимают уроженцы Горьковской (ныне Нижегородской) области, их не смущает наша манера расставлять ударения, интонации, формулировать предложения. Кстати, прослеживая употребление нижегородской речи можно проследить местоположение Великого Сибирского Пути, о котором ещё пойдет речь. Некоторые наши слова можно обнаружить в речи койгородского населения в нынешней Республике Коми, который был на пути прохождения упоминаемого Великого Пути. А уж жители Лоймы в Республике Коми вообще наш диалект называют «лоемским».

Ещё в детстве*, прислушиваясь к речи нашей, украинской и белорусской ловил себя на мысли, что часто проскакивают одинаковые слова или по крайней мере очень похожие. Такое совпадение вызывало размышления, но всегда пытался подавить мысль тем, что мы все славяне, потому и речь похожая. Совсем недавно просматривая книгу «Вологодская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года» изданной МВД в 1866 году под редакцией Е. Огородникова натолкнулся на невероятные сведения со ссылкой на исследования Академии наук. Вот дословный текст: «...Как на особенный оттенок, в среде великороссийского населения, сохранивший ясный след, на основании приходских списков, можно указать на племя Белорусское, которое встречается в Сольвычегодском уезде (1 стана) преимущественно по реке Лале. Здесь Белоруссы занимают без всякой примеси, 24 населенных местности, в коих считалось в 1858 году 177 дворов и 1363 души обоего пола.» Далее редактор перечисляет деревни: Астафьева гора, Пожарище, Змановский Починок, Мишутино, Леунино, Еремина Гора (Околок), Лисья Гора, Курьяново, Яруны (Ярцево), Гончарово, Мишутино верхнее (Гусиха), Потанин Починок (Прислон), Поздеев Починок (Емельяниха), Голая Горка, Бык, Горячево, Конищево, Вяткина Гора (Ворончиха), Верхолальский Погост, Княжа, Стройково, Попова Выставка (Пуп), Токарево, Жолтиково. Остальные верхнелальские деревни выпали из списка, надо полагать, чисто по техническим причинам. После прочтения этих строк естественным образом возникают вопросы. Спешу успокоить читателя, и развеять возникающее недоразумение. Здесь имеет место недоразумение. Дело в том, что такое умозаключение было сделано по итогам изучения приходских списков, без малейшего изучения культуры и обычаев местного населения. Ничего подобного, не намек, не сохранили устные предания жителей Верхне-Лалья на белорусское происхождение наших первых поселенцев. Будь здесь белорусские переселенцы, наверняка сохранились бы национальные

мотивы как минимум в одежде. Кто имеет старые бабушкины сарафаны, тот видит узоры чисто русского национального орнамента. Белорусские традиции значительно отличаются от русских. Звучание наших фамилий не вызывает сомнения, их все помнят. Звучание имен предков тоже не под вопросом. Могу для примера привести имена моих прямых предков начиная с 1760 года: Ефим, Козьма и Ирина, Иван и Мавра, Дмитрий и Ульяна, Алексей и Лукия (иначе Гликерия, Лукерья), Иван и Анна, Михаил и Мария. Как видно, имена обычные, русские. Прошу не беспокоиться, мы остаёмся **русскими**.

Проверялась версия появления белорусов как шайки бандитов, грабивших г. Сольвычегодск во времена его расцвета и загнанных вооруженными отрядами Строгановых в леса к реке Лале, где они могли осесть и прижиться. Но изучение исторических документов не даёт шанса такой версии. Сегодня известно время основания первой деревни Зманово, 1548 год. Уже к 1600 году деревень почти полдесятка. Строгановы же в 1520-40 г.г. только разворачивали свою деятельность в Сольвычегодске, город был скромным в доходах, разбогател он позднее. Первопоселенцы верхолалья всё-таки были Новгородского происхождения.

Народ верхнелальский исторически более тяготел к вилегодскому населению, нежели к лальскому, хотя Лальск с окрестностями тоже имеет Нижегородское происхождение и заселялся не с первого раза и не только во времена царя Ивана IV Грозного. Окрестности Верхне-Лальские в 15 веке, когда новые территории были юридически причислены к русским землям, были приписаны к Великоустюжскому уезду, затем в 16 веке выделился Сольвычегодский уезд в составе Вологодской губернии, где оказалось Верхне-Лалье, вероятно в составе Лальской волости и соседствующей Онтропьевой Слободы (тоже волость). В 1708 году уезд включен в Архангельскую губернию, а в 1719 году он переименован в дискрит с припиской в Велико-Устюжскую провинцию в составе Архангельской губернии. В 1727 году дискриты снова переименованы в уезды, в 1775 году деление на провинции тоже отменено. С 1755 года уже упоминается Верхне-Лальская волость Сольвычегодского уезда. В 1780 году учреждается Вологодское наместничество из Архангельской провинции, Вологодской и Великоустюжской. Позднее, в 1796 году наместничество разделено на Вологодскую и Архангельскую губернии. С этого времени Верхне-Лалье уже принадлежит к Вологодской губернии до 20 века. Имеются сведения 1850 года и 1881 года о принадлежности Верхне-Лалья к Ильинской волости, но в 1900 году Верхне-Лальское общество уже входит в состав Целяковской волости. С 10 апреля 1924 года Верхне-Лальская волость вошла в состав Лальского района и перемещалась по административным территориям в составе Лальского района.

Верхне-Лалье – это самая северная «точка» Лузского района и Кировской области. Географические координаты 60° 56' 37" северной широты, 47° 47' 53" восточной долготы, высота над уровнем моря более 85 метров. До 1941 года наша местность входила в состав Архангельской области, а ещё ранее несколько столетий до 1929 года входила в состав Вологодской области. И сейчас Верхне-Лалье граничит с Вилегодским районом Архангельской области. Связи с вилегодскими жителями были очень тесными, часто даже родственными. Строилось много дорог, практически каждая деревня левобережья реки Лалы имела собственный выход на Виледь. Вместе с Виледью и прилегающими территориями вплоть до Сольвычегодска, Верхне-Лалье было объединено в одну административную единицу. Вместе «кочевали» по разным областям и губерниям до середины 20 века. С установлением Советской власти начались многочисленные реформы с оптимизацией административного устройства страны, это в полной мере коснулось нашего местоположения. В 1918 году образована Северо-Двинская губерния, в 1924 образованы районы, в 1929 году губерния стала округом в составе

Северного края, в 1936 году Северная область, в 1936 году область разделена на три области и мы остаемся в Архангельской области. И наконец только в 1941 году мы перемещены в Кировскую область и до сих пор остаемся здесь. Есть подозрение, что на этом процесс не остановится, в руководстве района ходят разговоры о переподчинении к Архангельской области.

Археологические исследования позволяют полагать, что по территории нынешних верхнелальских земель проходил путь соединяющий по кольцу Великий Устюг – Сольвычегодск - Ильинск Подомский – Лальск - Великий Устюг и имел выход в Сибирь. Такой маршрут был удобен в первую очередь для торговли, когда торговый караван проходил его только в прямом направлении, без повторного прохода по территории где товар уже продавался. Кроме этого, когда с 1597 года Великий Сибирский путь изменил своё положение с Сольвычегодска на Лальск, дорога через Верхне-Лалье соединила Сольвычегодск по кратчайшему пути с этим трактом. Вероятно и укрепленный Городок, упоминаемый выше, был устроен для обслуживания этого маршрута. Его возможное назначение - служить укрытием и защитой после дневного перехода в случае угрозы нападения на торговые грузы и государственное имущество, а также защиты местного населения со стороны не дружественных местных племен и шаек разбойников – черемисов, вотяков и др...

Аналогичные Городки существуют в деревне Чаброво, селе Ильинском – Подомском, в селе Лальск. Лальский Городок называется Ботищем, он хорошо исследован археологами. Очень характерно, что они находятся примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Эти объекты кроме оборонительных функций имели другое назначение, в частности использовались для проведения государственных мероприятий: взыскания налогов и недоимок, распределения

государственных обязанностей (рекрутские наборы, дорожные повинности), проведение судебных разбирательств.

И так, о торговом пути. В 19 веке он потерял свою актуальность, вместо него появились тракты покрывающие территорию от Устюга до Сольвычегодска по разным маршрутам и направлениям.

Сегодня, в 2012, году земляки имеют представление только об одной трассе соединяющей Верхне-Лалье с миром, а в прошлом таких путей было достаточно много. С Ворончихи была дорога на Сосновку и далее в Вологодскую область. Из деревни Калище дорога через речку Воронику до деревень Зяблуха, Стойлово и далее до Животова и Лальска. В сторону Лальска была дорога из села Верхне-Лалье через Прислон, выходящая в Стойлово и рядом расположенное Животово. На север дороги были из Жёлтикова до вилегодской деревни Русаново и далее в деревню Пречисту, бывшую как и Верхне-Лалье центром группы деревень. Туда же была дорога из наших деревень Токарева и Поповой выставки (Пуп), но проходившая через вилегодскую деревню Дворище. Со Стрекова была дорога до вилегодской деревни Березник, именно она была частью упоминающегося далее тракта. Деревни Княже и Сирино имели собственную дорогу с выходом на вилегодскую деревню Кулигу. До Быково была дорога из деревни Астафьева Гора. Деревня Гляден и ближайшие к ней деревни имели дорогу через деревню Лекваж

туда же на Быково.

Имеется совершенно свежая информация о завершении работ на дороге соединяющей Верхне-Лалье с Виледью. Опять, как в древние времена, дорога проходит между деревнями Стройково в Верхне-Лалье и Березником на Виледи, к сожалению обе уже не обитаемые. Это третий период оживления транспортных сообщений с нашими историческими соседями и партнёрами.

По территории Верхне-Лалья до 40-х годов 20 века проходил Верхолальский тракт. В историко-экономической справке 1929 года по Северо-Восточной области (только что переименованной в Северный край – 15 июля 1929 г.) дается такое его описание "Его протяжение в пределах Северо-Двинской (центр г. Котлас) губернии 81 км. Начинаясь от с. Заозерица (в 30 км к юго-западу от Лузы), он тянется на северо-восток, параллельно р. Лузе и её притоку р. Лале, пересекая её (Лалу) в нескольких местах в зависимости от расположения селений, благодаря чему охватывает все селения южной части Вилегодского и северной части Лальского районов. Как в южной части (с. Заозерица) так и северной части (от д. Стройково до с. Ильинского) тракт проходит по малонаселенной местности." Грузонапряженность его колеблется от 650 до 1014 тонн. Вся работа тракта выражается цифрой 27324 тоннокилометров, что составляет 237 тонн в год на километр пути. Поддержание тракта в состоянии пригодном для проезда выполнялось местными жителями. Каждый крестьянин должен был отработать до 4 дней в году на дорожных работах. Участки дороги делились между деревнями, там уже внутри деревни определяли каким образом организовать работы. Только с появлением бульдозеров перестали население привлекать к работам на дорогах. С развитием шоссейных путей и железнодорожного транспорта этот гужевой путь потерял свою ценность уже в 40-х

годах. До конца 70-х годов он использовался только для местных сообщений, а отдельные участки практически только в зимнее время. В целях исторической достоверности надо отметить, что участок пути Лальск - Верхнелалье – Ильинск периодически терял свою значимость. Например в описании путей Вологодской области даваемом Военно-

статистическим обозрением Российской империи (том 2, часть 3) от 1850 года он не числится. Но как видим уже в начале 20 века снова становится актуальным. Предыдущий всплеск популярности надо полагать был во времена расцвета Лальска как торгового, так и административного центра. Верхнелальский путь просто был обязан связывать этот центр со Строгановскими владениями, которые начинались буквально рядом. На Виледи в деревне Дьяконово находилась судовой верфь Строгановых, выращивались лошади для солеварен в Сольвычегодске. К тому же Строгановы активно скупали лён-долгунец, который был особенно хорош в Лальской округе (Верхне-Лалье, Папулово). В начале 19 века Строгановы начали менять направление своей деятельности, при этом и город Сольвычегодск начал приходить в упадок и сообщение с ним со временем прекратилось совсем. Сохранилось только местное сообщение с ближайшими вилегодскими деревнями и селом Ильинском Подомским.

Быт крестьянина был не замысловат. Ко времени заселения наших земель

уже существовали традиции постройки рубленых надземных жилищ. Особым изяществом и тщательностью постройки не отличались, имели чисто утилитарное значение. Чаще избы были заглублённые в землю, что помогало сберечь тепло в зимнее время, а летом от этого тоже было преимущество, земля давала прохладу. Над уровнем земли возвышалась часть сруба и кровля, потолок и пол отсутствовали. В помещении избы находились нехитрые предметы домашнего обихода, изготовленные из дерева, глины, плетеные из ветвей ивы, черёмухи, бересты, корней сосны и сосновой стружки.

Крестьянские избы всегда имели добротные печи. Сначала это были каменные печи, затем битые глиняные, отапливавшие жилище по черному. Много позднее, когда научились изготавливать обжигаемые кирпичи, начали делать дома по современному типу топящиеся по белому. Печь имела огромное значение в жизни человека. Представьте себе человека, которому практически целый день приходилось работать то в лесу, то в поле не смотря не на холод и ненастье, в худой одежде и продолжается это неделями и месяцами. При этом не всегда есть одежда для смены, а иногда и нужного количества одежды нет. В таких условиях печь являлась настоящим спасением. Часто печь являлась и баней и даже спальней в лютые зимние морозы для всех членов семьи. Печь также была основным лекарством крестьянина. Все простуды, ломоты, часто болезни живота и суставов лечились печным теплом. В теплое время года изба переставала быть

местом приюта и постоянного пребывания. Большую часть времени проводили на улице, спали на сеновале, гумне. Во время уборки и сенокоса местом жительства, особенно мужчин становилось поле, сенокос. В доме выпекали хлеб, нянчили малых детей, готовили корм скоту. Но с наступлением холодов жизнь снова возвращалась в дом, нередко изба была пристанищем мелкого домашнего скота в зимнее время, в подпечке обитали куры. Дома современного типа имели подвальное

помещение выполнявшее функции кладовой. Здесь обычно хранились овощи и заготовленные законсервированные на зиму лесные заготовки. Входу в подвал придавали функциональное назначение, совмещая с лежанкой. С 19 века пространство около печи, где располагался вход в подвал украшалось. Этому уголку придавалось важное значение, даже сакральное, наряду с красным углом и столом. В Верхне-Лалье деревянные поверхности мебели около печи было принято разрисовывать, одним из персонажей был лев, который был символом защиты очага. В Кировском областном Краеведческом музее имеется несколько экспонатов разрисованных элементов интерьера из деревень Ворончиха, Малое Стройково, Токарево. Такая же традиция была ещё на севере Подосиновского района.

Население Верхне-Лалья всегда было религиозным. Первое упоминание о штатном священнике относится к 1625 году. Тогда уже существовало две деревянных церкви, а к моменту строительства в 1774 первой каменной церкви было уже два придела церкви и деревянная колокольня. Приход к концу 18 века составлял более 1000 человек. Церковь ещё была и местом просвещения жителей, именно на базе церкви 10 июня 1844 года было объявлено об организации

церковно-приходской школы.

Ко времени открытия школы грамотность не была чем-то редким. Северное население Российской империи, будучи не крепостным, имело довольно высокий уровень грамотности. Именно благодаря этому общий процент грамотности среди простого люда страны был немногим более 1%, при том что крепостное население основной части территорий было практически неграмотным.

Обучение верхолальцев было организовано, судя по всему, на Астафьевой

Горе, потом уже было выстроено здание в селе Верхне-Лалье, называемом жителями Повостом. Первым учителем был назначен священник Иоанн Соколов, впоследствии неоднократно поощряемый церковным начальством за успехи в образовании и церковном служении. Состав учеников был разновозрастный, к обучению принимали

всех детей желающих учиться, как мальчиков, так и девочек. Но судя по отчетным данным девочек не очень-то хотели отдавали в обучение. Первые годы и долгое время после, школа была одноклассной. С 1897 года начала действовать школа в деревне Жёлтиково, но там преподавал уже светский учитель, местный житель, прошедший курсовое обучение. К концу 19 века обучением в школе уже занимались специально подготовленные учителя с соответствующим образованием. А Закону божию по прежнему учил священнослужитель. Таким образом школа в Верхне-Лалье отметит свой 170-летний юбилей в 2014 году. При наличии добровольности в образовании применяли к ученикам и суровые методы принуждения. К известным наказаниям «угол» и вица (розга) добавлялось стояние на коленках на рассыпанном горохе. А что родители? Родители наказывали учителям, «лупи его как хошь, только сделай мне из него человека».

Не лишне упомянуть вечную русскую проблему, пьянство. Пили всегда, бывало подолгу пили. Водка продавалась, но стоила денег. Поэтому почти в каждой деревне были пивоварни, варили пиво из зерна, испорченную картошку и овощи использовали для приготовления самогона. Любители отдохнуть под «горячительное» съезжались в какую-либо деревню и там у гостеприимного хозяина могли запросто недельку, в зимнее время оторваться от реальности. Вот как описывает пристрастие к спиртному наших предков их современник 19 века (см. Военно-статистическое обозрение Российской империи). «Пристрастие к спиртному бывает чрезвычайным, вологодский крестьянин не любит проходить через различные степени опьянения, он сразу выпивает столько, что сразу же повергается в бесчувственное состояние».

Летом, надо сказать, пьянке времени не уделяли, не до этого было. Да и общественное мнение осуждало не своевременное винопитие. Много позднее, в 40-60-е годы 20 века употребление спиртного вышло из под контроля общины.

Стоит коснуться вопроса воинской службы. До 1699 года, когда был введен рекрутский набор, свободное население проходило воинскую службу на добровольной основе. Способ комплектования был поместный, т.е. войска

формировались из дворян, бояр, помещиков с их холопами. Поскольку у нас таких сословий не существовало, то и регулярного призыва на службу не было, да и удаленность местности не способствовала проведению призывных мероприятий. После введения Петром Первым в 1699 году рекрутского набора, задание на призыв давалось общине. Как правило, в мирное время с 1000 человек населения требовалось выдать в армию 5-7 человек. Призыв не имел системы. С 1831 года призывы стали регулярными, каждые два года. В военное время призывы были увеличенные, например в Крымскую войну призывали до 70 человек. Рекруты

должны были служить до тех пор пока позволяло здоровье, затем с 1793 года срок ограничили 25 годами, а с 1834 года 20-ю годами. С 1874 года введена всеобщая воинская повинность с целью уменьшения срока службы (6-7 лет действительной службы), введены освобождения от службы некоторых категорий призывников, но из тех что реально подлежали призыву по жребию призывали 20-

25%. Больше не требовалось. В переписной книге 1710 года стольника Цимерманова упоминаются наши земляки призванные на службу в первом, втором и третьем рекрутских наборах. Более конкретным фактом военной службы нашего земляка является похоронное сообщение в «Вологодских Губернских Ведомостях» №14 от 1850 года (стр.113) о гибели рядового Новоархангельского Уланского полка Спиридона Терентьевича Гондюхина из крестьян Сольвычегодского уезда Ильинской волости деревни Гондюхино. Уже позднее, в начале 20 века, многие верхнелальцы прошли Первую мировую войну. Установление советской власти в верхнелалье тоже делалось участниками Первой мировой войны. Вторая мировая война - Великая Отчественная дала уже офицеров, героев Советского Союза. В послевоенные годы были генералы, тому пример Сластухин А.И., Горячевский А.П. Насчитается с десятков человек имеющих старшие офицерские звания полковник, подполковник. Военная профессия стала довольно популярной, в военные училища шли большинство школьных отличников.

Изменение государственного управления 1917 года в Верхне-Лалье прошло незаметно. Да и не только у нас, даже главная губернская газета «Вологодские Губернские Ведомости» отреагировала на события 25 октября 1917 года почти 20 дней спустя. Население же Верхне-Лалье жило своим чередом, занималось тяжелой крестьянской работой: выращивание льна, зерна, охота, рыболовство т.е. как обычно добывали себе хлеб насущный. Однако в Лальске имело место трагическое событие: 6 октября 1918 года был арестован житель деревни Гундюхино Целяковской волости Александр Бузунов за контрреволюционную агитацию, собиравший группы граждан в разных местах г. Лальска. Совершил побег, но был пойман. Лальская Чрезвычайная Комиссия нашла необходимым стереть с лица земли контрреволюционера Бузанова, приговор был приведен в исполнение в ночь на 8 октября.

Жизнь текла своим чередом, в 20-х годах прошла компания по ликвидации безграмотности, грамотность среди женской части населения была в разы меньше чем среди мужчин. Последняя перепись 1897 года показала, что среди женщин

грамотных всего 6.7%, у мужчин 47%. Учились все вплоть до 50-летнего возраста. Учителями на курсах ликбеза были не только профессиональные учителя, привлекались и грамотные сельчане. В деревнях были организованы избы-читальни. Там где не было специальных помещений, под них использовались арендуемые на время занятий частные дома, естественно без оплаты, по добровольной договоренности. Были организованы, в дополнение к уже

существовавшим с 19 века Верхне-Лальской и Жолтиковской, с 1911 года Романовской и Ереминской, начальные школы в Токареве, Калище, Лекваже.

Преобразования в стране существенно изменили положение жителей в Верхне-Лалье, работа стала более результативной, были побеждены в стране болезни буквально косившие население: скарлатина, тиф, оспа, чума. В Верхне-Лалье наконец появился колхозный родильный дом, а с 1939 года больница. Фельдшеры были с довольно давних времен, но стационарное лечебное заведение появилось уже при Советской власти. Старожилы помнят княжевского Анисима Веринеевича Бобчихина работавшего на Сирине, также был фельдшер в Романове. Население деревень заметно увеличивалось, молодежь начала получать профессиональное образование в училищах типа ФЗО.

В довоенное время население Верхне-Лалья составляло около трех тысяч человек. За годы Великой Отечественной войны на фронт ушло 565 человек, а погибло больше половины – 325, многие вернулись инвалидами. К 1946 году население сократилось примерно на тысячу человек. Причины сокращения крылись не только в войне. Некоторые солдаты, наши земляки, остались в разных местах страны, часть людей уехала по вербовке на Карельский перешеек, в Калининградскую область, на Кавказ. Да и детей в военные годы рождалось мало, а старики умирали.

В Верхне-Лальский сельсовет еще входил лесной посёлок Хобот, где в лучшие времена проживало до 300 человек. Посёлок был создан на базе лесоучастка Хобот, путем переселения сюда в 1937-39 годах мелких лесоучастков Моченцы (в 16 км от Хобота), Новостройка (12-14 км), Сосновка (10-11 км). А лесоучастки в свою очередь были заложены в начале 30-х годов, но в них не было возможности организовать обучение детей, устроить учреждения торговли и медицинского обслуживания, поэтому было решено их объединить. Жители посёлка отмечают, что атмосфера взаимоотношений была очень доброжелательной. Бывали конфликты с соседями из Христофорова, но внутри поселка никогда. В клубе регулярно, даже можно сказать часто, проходили мероприятия. Больше других отличался в художественной самодеятельности Замятин Федор Иванович, гармонист, певун, заводила. Многие жители играли на гармошках и баянах. Каждый день, кроме понедельника, в клубе показывались фильмы, а днем детские сеансы по 5 копеек. Чистота на улицах поселка была практически идеальной, регулярно проходили массовые субботники по уборке мусора, очистке дренажных траншей.

Это был посёлок лесозаготовителей в самых верховьях Лалы, основанный в предвоенные 40-е годы. Сюда была переведена начальная школа из расположенной на другом берегу реки д. Жёлтиково. Были медпункт, клуб и летняя

площадка, библиотека, магазин, столовая, детский сад с пианино, пекарня, баня, барак для сезонных рабочих. Почти все эти учреждения были компактно расположены на улице Ленина, в ночное время охранялись сторожем. По окончании начальной школы дети продолжали учиться либо в Христофорове, либо в Верхне-Лалье, а иногда в г. Лузе. Основная часть детей всё-таки учились в Верхне-Лалье после 4-го класса (с 1970 после 3-го), проживая в интернате при школе. До интерната в Верхне-Лалье школьников доставляли на тракторных санях оборудованных будкой. Такие поездки до сих пор весело вспоминаются бывшими школьниками.

В поселке было огромное количество техники, а ремонтировали её в мастерской около кузницы, в том числе и мотовозы узкоколейной дороги. Мастерская была холодной, только для защиты от ветра и непогоды. Кузнецом в последние годы был Горячевский Михаил Егорович, он же заплетал тросы для трелёвочной техники.

В окрестностях поселка была проложена разветвлённая сеть железных узкоколейных путей для вывозки древесины. К 70-м годам в посёлке базировалось два дизельных мотовоза МД54-4 и пассажирская дрезина ПД1. По зимнику лес вывозили автотранспортом. Вывезенный лес в основном складировался бунтами в поселке вдоль реки, совсем мало вывозилось по узкоколейной дороге в Христофорово. Кстати, узкоколейная дорога с трёх сторон охватывала посёлок, одна ветка заканчивалась около дома Василия Слойкина, а другая около кузницы. Во время весеннего половодья бунты раскатывали в реку. Частично лес сплавляли по реке плотами, оставшуюся часть молевым сплавом. Молевой сплав создавал массу проблем. По всей реке Лале лес сопровождали бригады сплавщиков, предотвращая и ликвидируя заторы. Иногда мощные заторы взрывали во избежание потери леса, образования подъёма воды и аварийных разливов, да и вообще срыва сплавных работ. Во время сезонных работ по сплаву леса местные жители имели возможность подзаработать на сплавных работах, не зависимо от специальностей, рода занятий и возраста. По окончании сплавных работ по реке шла **караванка**, представлявшая собой рубленый и украшенный дом на огромном

плоту с размещённым в нём магазином. Плавающий магазин останавливался возле каждой деревни, это был настоящий передвижной праздник для населения деревень. Ассортимент магазина был лесопунктовый (ОРСовский), а это в те времена вторая категория снабжения, поэтому для колхозников Верхне-Лалья он был символом изобилия. С караванкой шла бригада рабочих, производившая зачистку берегов от застрявшего леса, и очистка дна реки от утопленников. Уже позднее, к середине 70- годов, когда река заметно обмелела, лес начали вывозить в Христофорово большегрузным автотранспортом.

Для выполнения сельско-хозяйственных работ в личных хозяйствах и вспомогательных работ в посёлке содержали конюшню до 6 голов и даже была одна корова, вероятно для детского сада. Узкоколейной дорогой посёлок был соединен с Христофоровским леспромхозом. К середине 80-х годов ближние территории были выработаны от делового леса, большинство населения переехало в посёлок Христофорово, некоторые в г. Лузу, кое-кто в с. Верхне-Лалье. Посёлок был расселён в основном 82-84 годах вместе с деревней Жёлтиково. Жителей организованно вывозили в предоставляемые квартиры.

Выделялся транспорт для перевозки домашних вещей, скота и даже кормов для скота. Для переезжающих в Христофорово подавались вагоны. Для желающих перевезти личный дом выделялись трактора, например Горячевский Михаил Егорович перевёз свой дом в Верхне-Лалье и поставил его в деревне Емельяниха. Жители Хобота, мягко говоря, с сожалением покинули свою родину, не смотря на тяжёлую работу в лесу. Житель Хобота

Сластихин Роман Романович долгое время в различных инстанциях отстаивал свой посёлок, но тщетно. Он был последним жителем посёлка, покинувшим его в 1986 году.

Крестьяне, особенно у нас, где бедные северные почвы, в большинстве своем богато не жили, приходилось с великим трудом отвоевывать от леса каждый кусок земли, да и земель-то не богато. Холмистая местность изобилует косогорами и обрывами, такую землю не возможно использовать под пашни. Приходилось прилагать массу усилий для получения с полей и лугов хоть каких-то урожаев. До 1930 года, когда началась массовая коллективизация, вели единоличное хозяйство. Все земли, принадлежавшие деревне – общинные, такая наделная система начала складываться ещё в 14-15 веках. Земли по жребию делились на

души (только мужские), а позднее – на едока. Приезжему попасть в общину было трудно, так как земель на душу приходилось не много, а для вступления в общину требовалось заключить приемный договор. Наверное поэтому дети жителей редко переезжали в другие деревни и как правило строили свои дома в родной деревне, а часто даже пристраивали к дому родителей. Жили натуральным хозяйством. Дома строились обществом. **Помочь** – так назывался процесс строительства и организации коллективных работ. Хозяин будущего дома или другого строения оповещал о времени работ своих знакомых, друзей, мастеров в строительных делах. К назначенному времени всё необходимое для работы должно быть готово, в том числе обеспечение едой. Как правило на это мероприятие собиралось много работников и работа выполнялась в кратчайшие сроки. После этого заказчик уже был просто обязан участвовать в таких же стройках, да и зачастую уже ранее принимал участие.

Мебель в домах была самодельная – кто сам делал, кто заказывал столярам, которые были в каждой деревне. Кожи (коровьи, овечьи) выделывали сами. Из них шили обувь и некоторые виды одежды. Посуда в домах была тоже самодельная – глиняная, деревянная, берестяная. Много ткали льняного полотна для одежды.

Самостоятельно делали телеги, бочки, сани, розвальни, выездные розвальни-пошевни (кашавы). Шили конскую упряжь – хомуты, сбруи, уздечки. Популярны были корзины, наберухи, зобни. Зобни делали из ивовых прутьев (виц) с крупной ячейкой плетения, использовали их для переноса травы, сена и других несыпучих материалов. Носились они в одиночку через плечо или по двое за ручки. Из того же материала делали корзины различных размеров, но это изделие уже не имело ячейки, прутки ложились плотно. Корзины были пригодны для переноса сыпучих и мелких предметов, с ними ходили по грибы. Корзина имела ручку по середине для переноса на руке, изготавливались корзины могли ещё из сосновой стружки. Для получения стружки подбирали подходящую сосну и распускали её по годовым кольцам, затем нарезали полосами. Такие полосы (стружка) использовали для плетения корзин. Стружка же использовалась и для изготовления наберух (наберушек).

Днище изготавливалось из цельного куска бересты. Наберухи уже чаще использовали для хранения муки, с ними ходили по ягоды. Облегчённые наберухи делали из бересты. Хозяйки испёкшие колобушки, положив их в наберушки, ходили в гости друг к другу в гости поздравить по поводу праздников, памятных событий или рождения детей.

Избы освещали чаще всего лучиной или свечой. Свечи часто были жировые (сальные). Керосиновые лампы были лишь в зажиточных семьях, наибольшее распространение имели трёхлинейные керосиновые лампы. Наиболее состоятельные семьи могли себе позволить пяти и даже семи линейные лампы – они давали больше света, но и керосина при этом сгорало значительно больше. Электрическое освещение появилось в массовых масштабах только после войны. Но первые слабосильные

электростанции покупались еще в 30-х годах в складчину. Например, в деревне Княже была привезена электромашина с моторным приводом Непеиным Прокопием Петровичем (первый справа), купленная в городе Олонец 25 сентября 1930 года. Можно полагать, что это была первая попытка внедрить электричество в быт крестьян Верхне-Лалья. Промышленная электрификация в деревни пришла только в начале 70-х годов, когда была проложена высоковольтная линия 6 тысяч вольт с Коряжмы. Тогда уже можно было установить любое количество лампочек в доме. Появилось освещение на улицах в вечернее время.

Обработка земли велась вручную или с применением тягловой силы в виде лошадей или крупного рогатого скота (быков иногда коровы) с помощью простейших орудий.

Сложных приспособлений для применения в пахоте и обработке хлеба и льна было чрезвычайно мало. Лошади были практически в каждой семье, иногда и не по одной.

Труд был тяжелый и малопродуктивный. С началом Отечественной войны много лошадей забрали на фронт, да и потом приходилось периодически отдавать лучших лошадей фронту. Поэтому приходилось использовать быков и коров, а порой женщины сами таскали борону или плуг. Первый трактор появился после коллективизации, в 1934 году. Это был колесный СТЗ-ХТЗ. В обиходе его называли Фордзон, но это был советский трактор выпускавшийся Сталинградским и Харьковским тракторными заводами. По свидетельству старых трактористов он был значительно лучше своего прототипа Фордзона.

Чуть ранее этого трактора появился трактор «Универсал». За основу «Универсала» была принята хорошо зарекомендовавшая себя конструкция тоже американского трактора «Фармолл». Как водится конструкцию изменили, переработали под российские условия. Трактор оснащался керосиновым двигателем 22 л.с., имел три передачи вперед и одну назад (3.9 – 8.1 км/час).

Вот на таких тракторах в качестве прицепщиков зачастую работали девчата, таскали воду в ведрах для заправки радиатором на расстояние до километра и

более. Радиаторы быстро становились дырявыми, а ремонтировать их не умели в кустарных условиях. Приходилось таскать для газогенераторных тракторов чурки, а прежде их надо было заготовить и высушить. До сих пор те, тогда ещё молодые, девушки со слезами на глазах вспоминают эту адскую работу по заготовке, распиловке тех маленьких чурочек. Казалось, что этой работе не будет конца.

Эти гусеничные газогенераторные тракторы ХТЗ – Т2Г и СГ-65 вместе с

колесными долгое время работали, их можно было видеть на полях ещё в 50-х годах, они успешно использовались и во время войны, экономя топливо для военных целей.

Колёсная конструкция тракторов не совсем устраивала потребности сельхозпроизводства, но тракторы на гусеничном ходу появились только в 50-х годах. При этом они имели бо́льшую мощность, область применения их была более широкой, и оснащались более широким набором прицепных и навесных орудий. Парк тракторной техники постепенно расширялся. К концу 70-х годов количество тракторов полностью удовлетворяло все потребности хозяйства. А общее количество всех видов транспортной техники в 80-х годах стало настолько велико, что практически каждый мужчина имел в руках какой-либо вид транспортного средства коллективного пользования. Лошади были практически вытеснены из повседневной деятельности, использовались на очень ограниченном количестве видов работ. Все перевозки для личного подсобного хозяйства сельчан выполнялись уже по личной договорённости с трактористами и шоферами. Руководство совхоза «Ярцевский» не обращало внимания на такое положение вещей. Эта практика сложилась не только у нас, так было по всей стране. Складывалось впечатление, что имеем дело с новым способом распределения материальных ресурсов, о чём говорили классики марксизма, или по крайней мере с его зачатками. Под такой способ распределения подпадали и другие ресурсы, например некоторые виды стройматериалов, зерновые, топливо, металлопрокат, заготовка леса и дров. В 80-х годах уже никто не считал самоуправство в общественной собственности воровством. Я* имел возможность наблюдать аналогичную картину в других регионах как на сельхозпредприятиях, так и в промышленности и даже в научно-производственных структурах. О строительной отрасли, так и говорить не стоит, это была кормушка не только для работающих в строительстве, но и любого прохожего набравшегося смелости спросить материальчика. Единственным островком пунктуальности и дисциплины была оборонная промышленность.

Изобилие техники советских лет значительно облегчает нынешнее существование жителей Верхне-Лалья. До сих пор ещё более десятка тракторов худо-бедно ходят по селу перевоза жизненно-важные грузы, облегчая сенокос. Они своим существованием более 20 лет опровергают расхожее мнение о низком качестве техники советского производства. Возможно, ещё на своих изношенных колёсах въедут во время достойное жизни «простого советского человека», каким был Верхне-Лальский житель совсем недавно.

В предвоенные годы численность населения сельсовета была максимальной, около 3000 человек, после войны начался отток населения, который никак не остановится до сих пор. Этой тенденции всячески способствует ситуация в стране в целом и на селе в частности. Население деревень в разные годы выглядело так:

Год учета	1859 г.	1946 г.	1974 г.	1982 г.	1988 г.	1996 г.
Населенный пункт	Двор / Чел	Двор / Чел	Двор / Чел	Двор / Чел	Двор / Чел	Двор / Чел
Жёлтиково	9 104	3 91	11 21	8 15	- -	- -
Попова Выставка (Пупок)	6 72	15 42	11 42	- -	- -	- -
Токарево	7 66	24 83				
Малое Стройково	- -	10 38	13 40	12 23	9 12	3 3
Большое Стройково	10 85	24 77				
Романово	6 52	9 38	5 8	5 8	- -	- -
Гребенево	9 100	14 48	- -	- -	- -	- -
Ворончиха (Вяткина Гора)	14 127	44 147	25 85	22 53	4 7	- -
Конищево (Калище)	2 23	14 72				
Горячево	4 35	8 34	4 9	4 5	2 2	- -

Княже	10	78	19	57	8	22	6	8	5	10	2	3
Голая Горка (Гола)	4	27	16	59	10	28	5	8	4	6	-	-
Бык	6	53	9	39	-	-	-	-	-	-	-	-
Емельяниха (Поздеев Поч)	9	45	19	108	13	50	15	34	19	41	14	34
Прислон (Потанин Почин.)	8	40	11	33	2	10	-	-	-	-	-	-
Сирино (Сирина Гора)	10	80	38	138	24	79	24	76	19	53	18	34
Верхне-Лалье (Повост)	4	11	18	49	41	137	80	247	100	308	117	322
Подымалово 8 24---	-	-			23	77	18	44	8	16	6	12
Астафьева Гора	19	133	32	96								
Пожарище	3	32	11	40	-	-	-	-	-	-	-	-
Гончарово (Гондюхино)	12	91	14	51	6	22	5	13	-	-	-	-
Малый Лекваж	-	-	12	43	-	-	-	-	-	-	-	-
Большой Лекваж	6	59	28	79	-	-	-	-	-	-	-	-
Гляден	9	48	12	53	4	8	-	-	-	-	-	-
Ярцево (Яруны)	9	64	15	58	5	17	-	-	-	-	-	-
Гусиха (Верхн. Мишутино)	7	50	19	67	4	19	7	20	4	11	-	-
Зманово (Змановск.Почин.)	3	12	3	8	-	-	-	-	-	-	-	-
Мишутино	4	35	7	31	5	18	-	-	-	-	-	-
Леунино	6	49	20	80								
Наволоч (Данилов Наволоч)	4	40	6	22	-	-	-	-	-	-	-	-
Верхняя Лисья	-	-	5	17	7	30	7	23	-	-	-	-
Нижняя Лисья	4	24	7	32								
Курьяново	9	68	20	69	5	18	5	11	-	-	-	-
Околок (Еремина Гора)	8	47	13	33	4	15	3	6	-	-	-	-
ВСЕГО:	208	1710	557	1954	230	760	226	595	774	466	160	410

Испокон веков у нас много сеяли льна. Из него крестьяне пряли ткани и шили одежду. Лен наравне с хлебом был основным источником доходов сельчан.

Верхне-Лальский лён ценился, хотя выращивать его и перерабатывать было тяжело, требовал больших затрат времени. При старательном отношении к производству культуры лён получался хорошим. Вот как пишется в «Обзоре положения льноводства в Вологодской губернии» за 1899 года: «сеют много льна в Аникинском, Антипинском и Уческом обществах, и получаемое волокно ценится покупателями не ниже верхолальского». Залогом хорошего качества была обработка засек (место выращивания льна) подсеčno-огневым способом, называемое местным населением «катанием кулиг». (прим.ред. Описание выращивания льна в отдельной статье). Выращивание льна было прекращено в середине 70-х годов, производство переориентировалось на зерноводство и животноводство.

Многим покажется странным, но картофель у нас выращивать не умели, его конечно выращивали, но правильно сажать и ухаживать не умели. Результатом была низкая урожайность и мелкота клубней. Научились грамотно управляться с картофелем только после первой мировой войны. Технологию привезли русские

солдаты побывавшие в плену в Германии и Австрии. Клубни картофеля сажали в кое-как вспаханную землю и о нем забывали до выкапывания. Гребни не нарезались, всходы не окучивались, прополки не делали, отсюда и незначительный урожай этой культуры. До начала 20 века он не был «вторым хлебом» как сейчас. Большей популярностью пользовались капуста, лук, редька, репа (брюква) называемая у нас «галанкой», также выращивали не значительно морковь. Редька вырастала большая, хорошо хранилась, часто выручала в неурожайные годы. А вот огурец практически не знали. Такое положение с продуктами было и в начале 19 века и в середине 20-го.

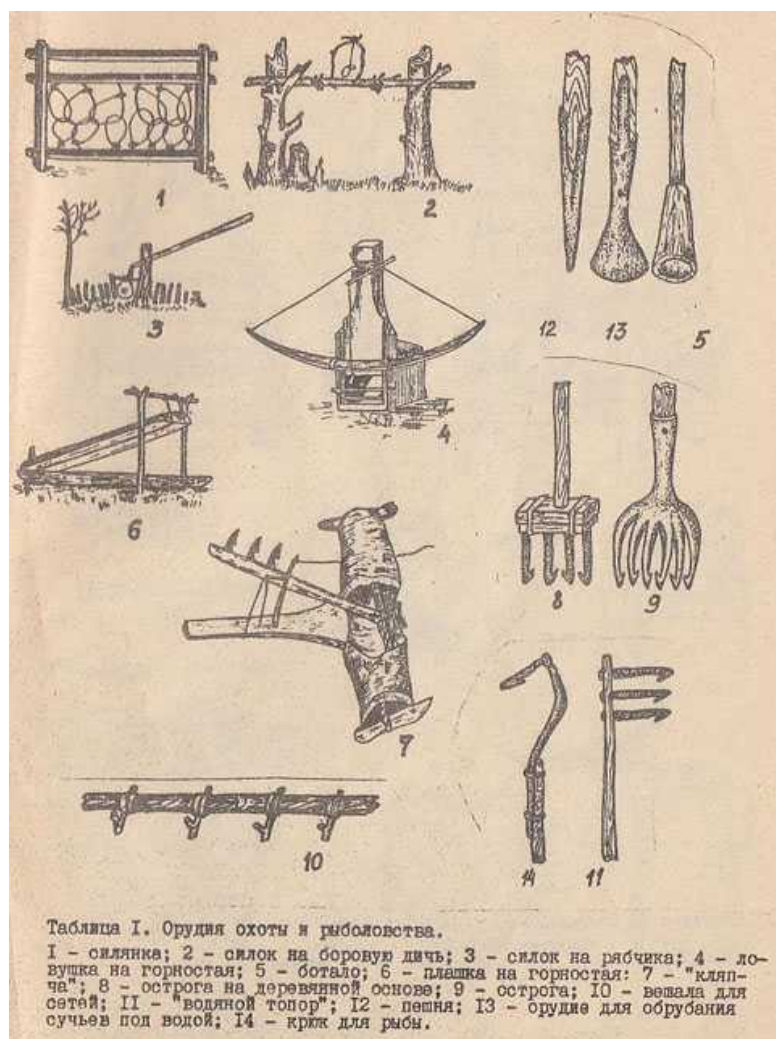
Зерновых сеяли не много, в основном овес, рожь и пшеницу. Они шли на корм лошадям и скоту, ну и естественно для приготовления хлеба, кваса, пива. Урожайность была не высокая, обычно своего хлеба не хватало до следующего урожая, приходилось покупать.

До середины 20 века леса были богаты дичью, охотились чаще всего без огнестрельного оружия. Ружья применяли при охоте на белку, медведей, летающую дичь. На других животных – от зайца до лося ставили петли. У каждого мужика были свои присмотренные и обжитые угодья. На охоту уходили на несколько дней и даже недель. В лесах были построены охотничьи избышки и землянки, иногда создавался запас продуктов питания, дров.

Леса наших мест были государственными и относились к Великоустюжскому лесничеству. Лесные массивы именовались дачами, к лучшим дачам наравне с Удимской и Симоновской относилась и Верхнелальская находящаяся в бассейнах рек Негла, Шелюг, Лала. Так было ещё в середине 19 века, но к середине 20 века

леса вблизи верхнелальских деревень были сильно вырублены. Вырублены настолько, что пространство до Виледи было почти пустынно, а в хорошую погоду перезвон колоколов Вилегодских и Верхнелальских церквей был слышен во всех деревнях. Рубить ездили за Ворончиху уже в начале 20 века. Здесь верхнелальская лесная дача граничила с Христофоровской, относящейся к Сольвычегодскому лесничеству.

Рыба в наших местах водилась и ловили её не мало, но обычно после продажи льна ездили в Сольвычегодск за крупной и красной рыбой. Туда же и ещё в Котлас наведывались за покупкой обуви, одежды. Рыбу ловили на крючок, сетями, бреднем, мордами, а также лучением. Наиболее распространенным способом была ловля мордой.

Река перегораживалась запорами, для запруды вбивали в дно реки колья, переплетаемые прутьями. Этот способ применялся зимой и летом. В летнее время ловили сетью и бреднем, в связи с тем, что для этого вида лова требовалось несколько человек, его применяли реже и обычно в редкие перерывы между основными видами сельхозпроизводства. Брожением зачастую занимались дети, молодежь, пожилые люди. В качестве попутного дела ловили мелкую рыбешку блюдом. Для этого в материи накрываемой блюдо проделывали отверстие, внутри размещали давленную вареную картошку, хлеб, кашу. Женщины, занимаясь стиркой на реке, ставили такие ловушки на молей, пескарей, ершей. Таким образом «убивали двух зайцев». Ловля на крючок из-за малой эффективности применялась мало, считалась детским занятием. Удочки ставили на крупную рыбу, наживкой служила мелкая рыба – пескарь, моль. Более популярной была ловля на «дорожку». В осеннее время могли применять лучение, для привлечения рыбы на носу лодки разводили огонь. В зимнее время глушили рыбу, когда били по льду большими деревянными молотками, рыбу вылавливали в естественных полыньях или в специально вырубленных.

Большое количество домашних животных требовало заготовления значительного количества сена. Главной тягловой силой долгое время оставались лошади и быки. Коров держали в основном ради мяса и получения удобрений для полей и огородов. Молока доили очень мало, оно покрывало только потребности семьи. В хозяйстве выращивались свиньи, часто двух пород. Это привычные всем свиньи и специальные для получения щетины, которых сейчас почти не встречается. Из щетины делали щетки для вычёсывания льна. Свиная щетина складывалась в пучки, один конец пучка заливался для скрепления горячей сосновой смолой, другой растопыривался. Таким образом изготавливалась чесальная щётка.

Напомню ещё один из видов деятельности сельских жителей. Это борьба с хищными животными. Во все времена в лесах водились не только полезные животные, но и опасные – волки, медведи, лисы, рыси, росомахи. Росوماхи сейчас очень редки, но до середины 20 века они были распространены. Наибольшее беспокойство доставляли волки. Нападали на домашних животных, задирали собак, представляли опасность для человека не только при работе в лесу, но и в селениях. В некоторые периоды истории борьба с волками материально поощрялась государством. Во время войн борьба с ними ослабевала и они очень сильно увеличивали свою численность. Вот один

из примеров, листая 30 номер Вологодских Губернских Ведомостей от 14 апреля 1880 года обнаруживаем протокол заседания Вологодского отдела «Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных». Основную часть заседания было посвящено обсуждению ущерба наносимого волками и способам борьбы с ним. Говорится, что Вологодская область в год теряла почти по 2000 голов среди лошадей, коров, телят, а овец вообще более 12 тысяч штук. Это на сумму более 130 тысяч рублей, следующая напасть – пожары, наносят даже немного меньший ущерб для народного хозяйства. Но ведь гибли от волков и люди. Обсуждаемый способ борьбы хининовыми пилюлями (отравление

по способу Валиевского) поощрялся, выделялись деньги на приобретение этих таблеток. Обществом отмечался и тот вред, что волки наносят лесной фауне. Гибнущие от них звери могли бы быть добыты охотниками и обращены в экономический оборот или использованы в пищу населением. Создавались организованные бригады для отстрела волков. Помнится, ещё в 70-х годах 20 века такая борьба продолжалась, а добытый хищник сдавался охотниками для получения премии.

Тема удобрений для полей периодически встречается в документах 19 века, когда государство начало проявлять интерес к управлению экономикой. Минеральные удобрения начали применять в 20 веке, до этого пашни удобрялись органическим материалом, Урожайность полей была в прямой зависимости от количества скота в пользовании населения. Обеспечение семьи своим хлебом было первостепенной задачей крестьянина. С целью полноты картины стоит сказать, что государство с 19 века обязывало выращивать зерно для создания резервного запаса на случай неурожая, на выделенных участках земли - запашные земли. Это было одной из повинностей крестьян. Правда такие запасы существенно не облегчали ситуацию. Зерно мололи на водяных мельницах, их в Верхне-Лалее насчитывалось штук 4 – 5. Владельцами мельниц были зажиточные люди. Старожилы помнят мельницы на Ворончихе на речке Доровица, на Малом Стройкове на Лале, в Курьянове тоже на Лале, в Жёлтикове на речке Озериха. В некоторых семьях были жернова (ручные мельницы), дававшие довольно грубый помол. Жернова иногда были каменными, но чаще всего деревянные. Это два деревянных диска, расположенные один над другим. В соприкасающихся плоскостях чурок вбивались металлические пластины (обломки косы). Зерно засыпалось в отверстие в центре верхнего диска, а при вращении зерно перетиралось на металлических зубьях.

Мельницы обычно строились там, где можно было создать плотину с возможностью получить большую запруду. Здание мельницы строилось непосредственно над рекой (сруб ставился в воду), внутри здания располагалось рабочее колесо приводившее в действие жернова. К колесу подводился желоб с потоком воды. Рядом строилась избушка, куда приезжали и располагались заказчики, отдыхали работники мельницы. Плотина служила для создания запаса воды для мельницы и регулирования уровня запасаемой воды.

Регулирование производилось шлюзами (задвижками).

Пожалуй самой неординарной фигурой среди верхнелальцев 19 века был крестьянин (обычно верхнелальцы называют его купцом) Николай Александрович Токмаков. Он жил в Сирине, где и сейчас сохранились два его дома, кирпичный склад и деревянные амбары, в 80-е годы было снесено большое здание больницы, которое как поговаривают, было им же построено.

Кирпичный склад верхнелальцы знают под названием Палатка, это массивное здание из красного кирпича с толстыми стенами. В предвоенные годы, когда дом был превращён в школу, из палатки пытались сделать жилой дом для

учителей, но после первой и неудачной попытки пробить первое окно от этой затеи отказались. Позднее из здания сделали материальный склад, а в последствии склад удобрений, окончательно утратив надежды на полезное использование сооружения.

Дом, где жил «купец», построен очень добротно, стоит на кирпичном фундаменте в три этажа и состоит из 12 комнат. После революции в доме размещалась больница, потом – школа, не смотря на солидный возраст дома до

сих пор еще не одна печка в нём не переложена. В ранний период коллективизации в доме располагалась коммуна, но просуществовала не долго из-за отсутствия понимания как управлять коллективным хозяйством и организацией коллективного труда. Говорят, что членов коммуны власти использовали для взимания налогов, а в последствии и раскулачивания. Организатором коммуны предположительно в 1928 – 29 годах был Иван Иванович Бачуринский из

деревни Гусиха.

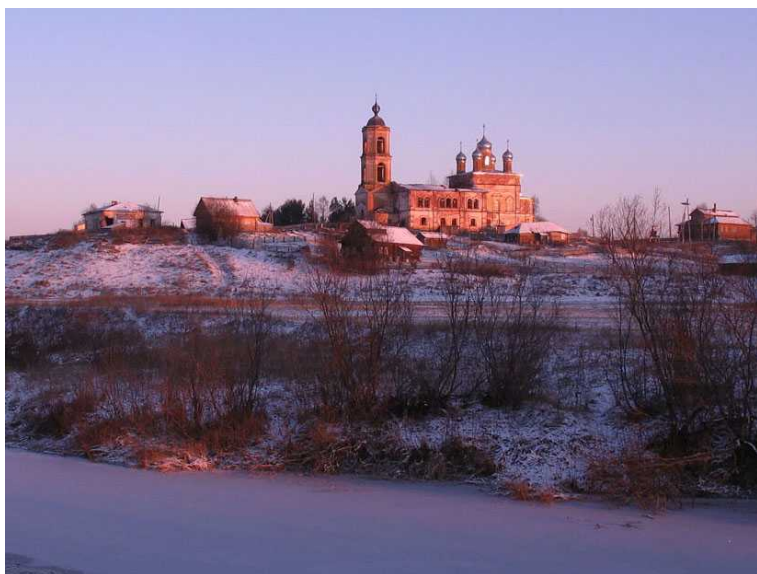
Н. А. Токмаков скупал лен у крестьян Верхне-Лалья и из ближайших мест, потом продавал его на Красавинскую фабрику, что недалеко от Великого Устюга, фабриканту В.И.Грибанову, а после его смерти его наследникам. В обмен на лен Н.А.Токмаков давал крестьянам необходимые товары, частично рассчитывался деньгами. Товары он отпускал и в долг в счет будущей поставки льна. Так что многие крестьяне находились у него в долговой зависимости. Связи у «купца» были большие, часть льна он продавал через Архангельск в Англию. А товары завозил из Архангельска и Вятки. Устные свидетельства говорят о том, что он занимался не только льном, но и скупал пожни с целью сдачи их в половничество (использование за половину урожая).

Н. А. Токмаков держал себя скромно, ходил в Верхне-Лалье, как и все мужики, в простой, домотканой одежде, но в праздники одевал сюртук и шествовал в церковь. Приказчиком у него был М. Г. Токмаков, родом из Сирина. Мефодий Галлактионович рассказывал, что он, когда завелись деньги, решил закупить партию льна для себя, продать и завести свое дело. Купить-то купил, а реализовать не мог: у купцов был договор о не допуске конкурентов. Пришлось идти приказчику с повинной к купцу и все дела передать ему. Вот и получилось: из доверия вышел, и бизнеса не получилось, вся деятельность Мефодия Галлактионовича на этом закончилась.

Старик-купец умер до революции. Сын его, Николай, злоупотреблял алкоголем и умер молодым от пьянства. Внуки Н. А. Токмакова жили в Петербурге, один, по рассказам, закончил институт и работал врачом. Имущество купца после революции было реквизировано новой властью.

Заслуга Н. А. Токмакова ещё и в том, что благодаря его заметному вкладу, в Верхне-Лалье была перестроена церковь, которая и сейчас является основной достопримечательностью села. Сохранившиеся до наших дней экземпляры Вологодских Епархиальных Ведомостей сообщают что летом 1896 года Николай Александрович пожертвовал 1000 рублей, а Евдокия Гундюхина пожертвовала 100 рублей на расширение церкви. Та же газета 1910 года упоминает взнос Токмакова в размере 900 рублей на устройство иконостаса. Для сведения можно привести

цифру: на 150 рублей можно купить 10 тысяч кирпичей. При изготовлении кирпичей на месте их можно было заготовить значительно больше. Зимнее здание церкви было готово к 1901 году, о чём гласит клировая ведомость 1916 года. К 1905 году была возведена и летняя церковь в виде пристройки к основному зданию. К заслугам Токмакова относят покупку колокола для церкви.

К сожалению, сейчас у церкви упала крыша. Денег на ее ремонт нет. Через несколько лет свод рухнет и этого памятника старины не будет. Церковь стоит на учете в Кировском центре по охране и использованию памятников истории и культуры, но не является памятником архитектуры областного значения. В мае 1996 года приезжала комиссия, все проверили, составили смету на ремонт, но из ответа начальника конторы И. Н.

Бойкова явствует, что средств на эти цели нет. И по сей день вопрос остается открытым. Некоторые работы по сохранению церкви ведет кировский предприниматель Токмаков Иван Анатольевич, уроженец деревни Гребенево. Он восстановил кровлю летнего придела церкви освященную в 2002 году во имя Архистратига Михаила, зимняя же церковь, теплая имеет разрушенную кровлю. Осадки, пропитывая кирпичные своды, полностью разрушили штукатурное покрытие внутренности церкви. О цвете стен уже можно не вспоминать. Их больше не существует. Росписей церковь не имела. Пройдет еще несколько сезонов и расширяющаяся при замерзании вода порвет своды основного здания церкви. Архитектурный памятник будет потерян навсегда.

Закрытие церкви со снятием колоколов состоялось в период 1930-35 годы, точная дата не сохранилась, но очевидцы имевшие тогда малый возраст называют год 1932. Ситуацию могут прояснить документы фонда №104 Государственного архива Архангельской области, которые пока не доступны. При закрытии церкви был снят колокол, изъяты предметы содержащие драгметаллы, на дверь повешен замок. Колокол увезли летом на телеге запряженной двойкой лошадей. Многие жители деревень по пути следования печального кортежа со слезами провожали его в последний путь. Звон этого колокола раньше можно было слышать даже на Виледи. Для верхнелальцев он был не только символом религии, также по его звону определяли время. Сжигание церковной утвари и икон не происходило в таком виде, как сейчас представляется по рассказам очевидцев. Церковное здание через некоторое время после закрытия стало использоваться как материальный склад, а позднее как зернохранилище. Так вот, бывшие «благодарные» прихожане церкви не желая себя утруждать заготовкой дров, просто брали и сжигали в печке всё что может гореть с целью обогрева помещения. Детишки приходили за мелкими вещами, представлявшими интерес в качестве игрушек. С наружных стен снимали фигурки херувимов, которые ещё в 60-х годах во множестве располагались по периметру церкви. Запомнилась огромная книга, размером со столешницу, страницы которой вырывали для розжига печи.

Последний Верхне-Лальский священник Клочков А.А. подвергся аресту в связи с тем, что проводил церковные службы в частном порядке по домам. По

решению суда получил 8 лет заключения. Обратно уже не вернулся, есть подозрение, что он погиб в местах заключения. Его семья, проживавшая тогда в деревне Ворончиха, уехала из Верхне-Лалья сразу после войны, Здание церкви долгое время использовалось в качестве зернохранилища, а потом машинотракторной мастерской. Затем в 80-х годах в церкви складировали яды, тем самым испортили и атмосферу церкви и заразили почвенные воды, питающие соседние колодцы. В июне 2001 года четвертого числа церковь была освящена и вновь начала работать после косметического ремонта и замены кровли в приделе основного здания. Действующая часть церкви была переосвящена в честь Архистратига Михаила (ранее это был придел Прокопия праведного Устюжского). Службы проводит священник Алёшинской церкви Облецов Василий Валентинович, кстати, когда-то работавший в Верхне-Лалье зоотехником.

Часто можно слышать от односельчан о существовании подземного хода из поповского дома в церковь. Не смотря на то, что уровень почвы вокруг церкви усилиями бульдозеров понижен на 2-4 метра, разговоры не прекращаются. Нет никакого подземного хода. Ещё один миф развеян недавним обследованием здания церкви, это ход для звонаря из помещения церкви на колокольню. Такого скрытого хода нет. Есть заложенный проход на второй уровень колокольни с полатей над торговым киоском, что располагался сразу с левой стороны при входе в здание зимней церкви. Там же в месте расположения киоска до сих пор имеется сейф, взломанный жителем Астафьевой Горы Ильей Низовцевым ещё в конце 50-х годов. Стоит сообщить, что киоск при вскрытии был совершенно пуст.

Советской власти досталось сельское хозяйство в самом отсталом, малопродуктивном состоянии, где успех достигался нечеловеческими усилиями. Положение требовалось менять. Вспоминая историю России и сравнивая с тем что было достигнуто в результате коллективизации, видим, что это не что иное как возрождение сельской общины на новом витке развития с активным участием государственного присутствия в виде планирования и финансирования. В результате преобразований конца 19 века и начала 20-го, патриархальная община была сильно изменена. А изначально она представляла собой не что иное как коллективное ведение хозяйства, коллективное решение вопросов внутренней жизни, коллективная ответственность за исполнение повинностей и податей.

Коллективизация в Верхне-Лалье началась в 1929 году. Дольше всех уклонялась от коллективизации деревня Стройково, здесь колхоз образовался тремя годами позднее других, за что стрелковцев долгое время называли «оппортунистами». Люди боялись менять привычный уклад жизни, активности не проявляли. Первыми вступили те, кто ничего не имел в хозяйстве, других приходилось принуждать. Женщины особенно жалели своих коров, мужики лошадей и инвентаря. Но под давлением властей и надежде, что всё-таки животные будут под их присмотром пусть хоть и не дома с трудом начали вступать в колхозы. Часть зажиточных крестьян была раскулачена, другая – заблаговременно сориентировалась и уехала из деревни, оставшиеся и упорно не желавшие вступать в колхозы получили твердые трудновыполнимые задания.

Например. в деревне

Сирино раскулачили А. Токмакова. Ничем он не отличался от крестьян, но была у него кузница, где он и подрабатывал. В напряженное время нанимал в помощь батраков. Надо кого-то притеснять – вот его и раскулачили, забрали кузницу и дом.

В Лекваже жила семья Михаила Лазарева. Было у него пятеро сыновей, а самым ухvatистым и хитроватым – Алексей. Он женился, отделился от семьи. Построил хороший дом недалеко от леса. Нанимал на работу батраков, за дело спрашивал. Знал и то, что «друзей» у него достаточно. Когда началось раскулачивание, добро припрятал, часть продал. А сам ушел из дому, нанялся на сплав, жену оставил в деревне. Пока скитался на сплавных работах, заваруха закончилась. Купил дом в Лальске, занимался столярным и стекольным делами, торговал льном. Я** у него жил на квартире, когда учился в старших классах с 1952-го по 1955-й годы.

По большому счету коллективизация и раскулачивание прошли без существенных потерь, но как водится у нас в России бестолково и с перегибами. Известно 4-5 случаев ареста раскулаченных, несколько семей были переселены из своих домов. Арестантов увозили в трудовой лагерь около Лузы. Там они провели около года, затем были освобождены. Только один мужик,- Фёдор Онифатьевич Сластихин из Калища был отправлен на Беломорканал, где подвергся насмешкам со стороны настоящих кулаков из Украины по поводу причины раскулачивания. Односельчане раскулачили его за изготовленную собственными руками глиняную мешалку для изготовления кирпичей с приводом лошадьё. За владение вот этим «заводом» его земляки и отправили на классовое перевоспитание. Был ещё интересный случай. Жил в деревне Гляден Иван Иванович Абрамов. В колхоз не вступал. Ему как единоличнику выделили участок земли в лесу между Гляденем и Лекважем в середине волока – по шесть километров от той и другой деревень. Сколько трудов вложил Иван Иванович, трудно подсчитать – лес раскорчевывал, распахал гектаров 5 земли, избушку поставил... Жена же его с пятерыми детьми вступила в колхоз и работала там. Так что жил И. И. Абрамов как в берлоге, не получилось у него дела. Теперь это место всё заросло лесом.

Коллективизация в целом благоприятно отразилась на экономике местности, было срыто множество мёж между мелкими наделами, расширялись пахотные участки за счет вырубки и распахивания прилегающего леса, в полеводстве и лесозаготовках начал применяться более производительный коллективный труд. Устраивались новые поля, в основном кулижным способом. Этот способ заключается в разжигании огромных кострищ на месте освобожденном от леса месте. Таким образом производилось выжигание пней и корней, затем эти горящие бревна перекатывались на новое место. Процесс назывался «катить кулигу».

Практически все поля, что ещё окружают нынешние деревни, приобрели такой вид уже в колхозные времена.

Кстати, срывались не только межи. Наша местность является довольно холмистой. Крутые угоры создавали трудности движению гужевого транспорта, конские копыта скользили. Поэтому их вручную срывали. Это делали практически во всех деревнях: на Сиристине, около Зоюшки, подкопаны подъемы, на Стрекове срывали Ереминский угор, в Княже проезды со стороны реки и т.д.

Оборотная сторона

коллективизация не отрицается. Кроме раскулачивания, что в первую очередь бросается в глаза, возникли чисто хозяйственные проблемы. Например, пропала возможность держать домашний скот. Скот конечно был, но каких трудов стоило его иметь. Солому, сено, жмых и прочие корма давали по трудодням. Самим заготавливать корм было невозможно и негде. Все угодия были коллективизированы, их и так-то было не густо, а тут вообще не стало в личном пользовании. Тогда и появилась у крестьян «Сталинская корова» в виде козы. Её то было проще прокормить, да и козу бывало держали одну на две семьи. Позднее уже, после войны, когда народу стало меньше и не успевали обрабатывать все поля и пожни, начали выделять места для сенокосов в самых неудобных местах. Со временем начали выделяться лучше места, а начиная с 80-х годов уже было вдоволь и пастбищ и сенокосов.

С самого начала коллективизации в Верхне-Лалье было около 30 колхозов, в каждой деревне свой. Но вскоре осталось 17, которые оставались вплоть до укрупнения, до лета 1950 года. Колхозы назывались:

- «Красный боевик» - д. Леунино, д. Мишутино, д. Наволок;
- «Ударник» - д. Лисья, д. Курьяново, д. Околок;
- «Новый Север» - д. Гусиха, д. Зманово;
- «Борец» - д. Гляден, д. Ярцево;
- «Победа» - д. Гончарово;
- «Пламя» - д. Пожарище, д. Астафьева гора, д. Подымалово;
- «Сознание» - д. Сирино;
- «Верный путь» - д. Емельяниха, д. Прислон, с. В-Лалье;
- «Новая деревня» - д. Голая горка, Бык;
- «Луч солнца» - д. Горячево, д. Конищево, д. Глинка;
- «Дружба» - д. Ворончиха;
- «Совет» - д. Романово, д. Гребенево;
- «Новый путь» - д. М. Стройково, д. Б. Стройково;
- «Красная заря» - д. Токарево, д. Попова выставка;
- «Орел» - д. Княже;
- «Большевик» - д. Жёлтиково;
- «Имени Ленина» - д. М. Лекваж, д. Б. Лекваж.

Осмысливая и оценивая объем и разнообразие работ выполняемых крестьянской семьей в течение года невольно приходишь к мысли, что

коллективизация была вызвана исторической и политической необходимостью.

Труд крестьянина требовалось специализировать по видам работ, разделение труда было необходимо.

Низкая производительность при широком спектре деятельности не соответствовала требованиям времени. Пока численность крестьянской части населения страны составляла 80-90% такое положение устраивало. При оттоке сельского населения в города производительность оставшейся части крестьянства

необходимо было повышать. Механизация сельского труда, которая стала государственной программой, при единоличном способе хозяйствования вообще была неосуществимой. Так же вызывало беспокойство у правительства непроизводительные расходы времени и усилий на отправление религиозных обрядов.

В 30-е годы жизнь в Верхне-Лалье стабилизировалась, народ спокойно работал в колхозах, понемногу начал приходить достаток в дома. Народ массово проходил обучение грамоте. Много строилось и перестраивалось домов, дома перестраивали под широкие оконные проемы под стекло. В 20-30-е годы в деревнях В-Лалья можно было видеть ещё дома топившиеся по черному, с земляным полом, с узкими окнами застекленными бычьим пузырем или слюдой, а то и вообще закрываемые волоками (задвижками). Можно было с полным основанием сказать, что Советская власть принесла народу светлую жизнь. Дома в деревнях были большие с пристроенными огромными хлевами или стаями. Стаи чаще строились отдельно от дома и обычно для одного вида животных, хлев же вмещал в себя всё разнообразие домашних животных. Длина стены стаи достигали 8-12 метров. Кроме этого между избой и хлевом были мост и перила. Мостом называли обширный коридор, а перилами - приподнятый над уровнем моста помост, куда обычно складывали разнообразный инструмент, приспособления, инвентарь. Под перилами в летнее время могли обитать коровы или лошади. После коллективизации необходимость в огромном хозяйстве отпала, дома перестраивались.

В настоящее время сложно представить в каких бытовых условиях жилося людям в недавнем прошлом. Сейчас невозможно достоверно воспроизвести условия жизни хотя бы в 19 веке, а вот начало 20 века вполне воспроизводимо. Далее представлена фотография из Краеведческого музея г. Кирова. В экспозиции смонтирован интерьер крестьянской избы начала - середины 20 века. Основные предметы интерьера вывезены из наших мест – деревня Малая Лесенка. Собраны предметы крестьянского обихода из Лузского и Подосиновского районов. В других залах музея есть старинные вещи с Ворончихи, Калища (Конищево), Малого Стрекова. В основном это деревянные предметы. Пространство макета избы переполнено различного рода приспособлениями, это несколько загромождает, но при желании можно понять каким образом обустраивалась изба. На заднем плане под полатами находится входная дверь, слева вход в подвал (говбечь, голбец) с

лежанкой наверху. Слева под потолком грядки, куда складывались поленья для щепания лучины, готовый после выпечки хлеб, хранилась мука. Видна часть шкапа и залавка. Маленький ткацкий станок посередине избы. Справа лавка. Наблюдаются украшенные элементы интерьера около печи. Об этой традиции уже говорилось ранее. Исследования рисунков привело к мнению о наличии определённых правил, традиций при росписи деталей мебели. Например часто использовавшееся изображение льва считалось символом охраны домашнего очага от нечистой силы.

Сейчас мало кто вспоминает о выращивании льна, на самом деле в наших местах лен продолжали выращивать до 70-х годов. Лен наравне с хлебом давали колхозникам в качестве натуроплаты, прекратилась выдача только в первые годы войны. Но для домашних нужд он был нужен, поэтому его выращивали в частном порядке, а то и вообще брали из общественных запасов, благо к хранению льна относились вольно, не охраняли. Домашнюю ткань ткали до начала 50-х годов. Ткацкие станки использовались до 70-х годов, но на них уже делали либо грубый холст, либо половики. Это была больше дань привычке, чем необходимость. Тканые половики до сих пор можно обнаружить в деревенских домах и городских квартирах детей и внуков верхнелальцев.

Лён в Верхне-Лалье всегда был отличного качества, но в то же время надо отметить, что хорошее качество малым трудом не обходится. Технология выращивания льна очень сложная. Начиная с получения семян и до кудели технологические операции требовали строгого соблюдения, многими десятилетиями, отработанных манипуляций. Выращенный лён сдавался на Виледь во времена Строгановых, позднее в 19 веке на Красавинскую фабрику, что около Великого Устюга, затем в Советские времена опять его возили на Виледь в село Ильинско-Подомское на построенный в 1930 году льнозавод. Часто Верхне-Лальский лён выдавался за Вилегодский, хотя на Виледи тоже существовали не плохие традиции выращивания льна. Лён практически до войны 1941 года был основным доходом сельских жителей. В до колхозные времена крестьяне только на лён рассчитывали при планировании своих расходов, животноводство и зерновое полеводство было второстепенным, лишь для обеспечения питания семьи.

Управление колхозным хозяйством было простым – делами занимались несколько человек: председатель, счетовод, животновод. Например в сиринском «Сознании» было три бригады, в каждой была конюшня (32 лошади), коров – 30 голов, плюс телята и овцы. Трудоспособных в войну тут насчитывалось 55 человек. В хозяйственных делах помогали подростки и старики. Все работали не покладая рук. Бригадир ежедневно принимал работу у каждого труженика и заносил сумму заработка в книжку учета, которая была у всех, даже у ребятишек. И каждый знал: сколько выработал трудодней. Передовиков заносили на красную Доску почета, отстающих – на черную. Было распространено движение стахановцев.

Надо сказать, что достаток в домах сильно зависел от урожая зерновых. Был случай: в Княже жил мужик по имени **Миронко** (Кривошеин Мирон), отец пятерых детей. Случился неурожайный год, вышел из колхоза, затем год был урожайный – вступил в колхоз, через несколько лет опять неурожайный год – опять вышел из колхоза.

Помню с детских* лет, часто и много рассказывали женщины о работах на лесозаготовках, особенно в военные годы. Но лесозаготовки практиковались не только в Советские годы, это было обязательным и ранее. Ещё с царских лет мужчинам назначались задания заготовить за зимний сезон до 400-500 кубометров. Причем на делянках (в отличие от современных делянок) был порядок и чистота, делянка зачищалась под грабли. Все ветки и мусор должны были собраны и сожжены, оставались только сосенки. Десятник тщательно проверял. Причем бревна должны были помечены под применение. Топочные дрова меток не имели, пиловочник (4 и 6 метровые) и гидросвайные (7 метровые) помечались определенным количеством колец (ширина 20 см) счёсыванием коры дерева. Дневная норма составляла 10 кубометров. В военное время участие в лесозаготовках было обязательно для незамужних девушек. Замечу, что в зимнее время сельские жители отдыхали не много, в то время как мужчины занимались заготовкой леса, женщины обрабатывали запасенный лен, дообмолачивали зерновые. Кроме этого необходимо было заготовить дрова, вывозка сена, уход за скотом, кустарное производство ткани. Таким образом труд сельчан при любой власти был одинаково напряжен и зимой и летом. А то свободное время, что иногда случалось, проводили в соседских посиделках. Женщины и девушки непременно с прялкой в руках, мужское население тоже не спустя рукава просиживало, плели зобни, корзины, вырезали ложки, ремонтировали конские сбруи.

В послевоенные годы крестьяне жили исключительно плохо, мало получше и в 50-е. Все работы производились вручную. Тракторов было немного и использовались они крайне слабо, в основном на пахоте. Кроме этого на послевоенные годы пришлось неурожай хлеба. Деревни потеряли значительное количество населения, многие мужчины были инвалидами, лошади были забраны на войну, техники не было. Рискуя навлечь на себя чей-то гнев, скажу, что вернувшиеся с войны фронтовики разложили дисциплину. Женщины, старики и дети героически трудившиеся в военные годы рассчитывали на помощь вернувшихся мужчин, но вместо помощи в деревни пришло пьянство. Ратный труд (пусть и не легкий и опасный) разучил мужчин работать физически в колхозных условиях, производительность труда резко упала, фронтовики не сразу втянулись в работу. Комплекс факторов привел к голодным 1946-47 годам.

В последнее время часто задается вопрос - почему было отменено празднование «Дня победы» в декабре 1947 года? На самом деле был только установлен рабочий день 9 мая. Я полагаю, что причиной был именно тот факт, что фронтовики вернувшиеся с фронтов не оправдали возлагавшихся на них надежд. Поэтому их день сделали рабочим, кроме этого многие годы замалчивались

военные награды фронтовиков, как бы тем самым показывалось, что труд и трудовой героизм работавших в тылу был не менее значим для победы.

Нагрузка на женщин в войну была огромная. В колхозе работали до изнеможения и дома работы хватало, особенно летом. Зимой приходилось латать и шить одежду, молотить, трепать и прясть лён, ткать, заготавливать дрова, возить сено.

На трудоводень крестьяне в послевоенные годы получали мало – от 200 до 500 граммов хлеба, денег – копейки. Люди кормились в основном за счет приусадебных участков. Но за землю приходилось платить налог. Молока требовалось сдать 220 килограммов, плюс мясо, яйца... А ведь некоторые и скота не держали, но налог был: землю-то имеешь. Уровень производства в начале 50-х годов еще не достиг предвоенного.

Ребятишек приучали к труду с малых лет, заставляли помогать по хозяйству. Жили голодно, особенно трудно приходилось в колхозах «Орел», «Луч солнца», «Имени Ленина». Одевались и обувались плохо. Швейных машинок было мало, шили в основном вручную. Часто делали самодельную обувь называемую «уледи» – это типа калош, сшитых из кожи, носили лапти. Основной обувью в повседневной жизни всегда были лапти, и до войны и во

время войны. Только потом наша промышленность начала выпускать литые резиновые калоши – чуни, все в них щеголяли. Потом уже кирзовые и резиновые сапоги вошли в повседневную жизнь. С появлением резиновых лакированных сапог, они сперва стали обувью для походов на пляску.

Война в наши деревни пришла незаметно, также незаметно уменьшалось количество мужиков в семьях и деревня. Чаше не было организованных проводов на войну. Обычно приезжал нарочный из военкомата, призывники быстро собирались и уходили. Времени на сборы давали минуты-часы. Не редки случаи когда мужчину забирали с поля, из леса, он передавал инструменты или лошадь и уже через несколько часов был в военкомате. Повестки через почтальона были редкостью.

К началу войны в деревнях Верхне-Лалья уже была техника. Уход мужчин не вызвал простоя тракторов. Накануне войны, в 38-39 годах на курсах в Лальской МТС прошли учёбу шестеро девчат: Абрамова Анна Анисимовна из Токарева, Токмакова Августа Ивановна из Гребенева, Непеина Агрофена Николаевна из Романова, Токмакова Валентина Егоровна из Гребенева, Турунова Людмила Григорьевна с Голой Горки, Абрамова Галина Николаевна с Гледена. Они приняли на себя не легкую обязанность работать и обслуживать тракторы. После войны пришедшие мужчины прибрали к своим рукам технику, уже к 1948 году вся техника была в мужских руках. Но некоторое время на комбайне, которые начали появляться после 1952 года, работала Анна Анисимовна из Токарева и довольно продолжительное время, почти до конца 50-х годов.

Жизнь после войны в городах налаживалась быстрее, нежели в деревне и была не сравнимой. Начался интенсивный отток людей из сельской местности. Крестьянам паспорта давали с трудом, только после больших скандалов. Если кто-то куда хотел срочно и по делу уехать, то давали временную справку. О пенсиях и речи не было. Используя любую возможность люди из деревень уезжали. Родители считали свои долгом отправить детей в город используя любую возможность, причем, сразу после школы. Шли учиться больше в ФЗО, девчонки – нанимались в

няньки и потом находили свое место в жизни. Уезжали, приживались там, где были родственные связи. Лишь кое-кто оставался у родителей – деревня худо-бедно должна жить. Вряд ли во всей России найдется такая область, такое место, откуда отток населения был бы таким большим. Много народу в послевоенные годы уехало из Верхне-Лалья в Коми республику, на Урал, в Москву, Киров, Лузу. Ряды крестьян поредели. И в результате укрупнения из 17 колхозов осталось три, а Лекваж по просьбе жителей перевели в состав Архангельской области.

«Новый север» объединил колхозы: «Красный боевик», «Ударник», «Новый Север», «Борец». Председателем хозяйства все время работал Егор Васильевич Чухломин.

В «Верный путь» вошли колхозы: «Победа», «Пламя», «Орел», «Сознание», «Верный путь». Председателями работали Иван Иванович Бачуринский, Иван Селиверстович Гондюхин, Прокопий Иванович Коршунов, Паньков (был из приезжих).

«Совет» образовался из колхозов: «Луч солнца», «Дружба», «Новый путь», «Красная заря», «Большевик». Правили в «Совете» Алексей Ильич Фадеев, Николай Николаевич Плюснин.

Что представляли колхозы того периода? Передо мной отчет о первом годе работы колхоза «Верный путь», составленный бухгалтером Власием Васильевичем Сапожниковым. В 1950 году в состав хозяйства входило: 11 деревень, 173 двора, 492 человека, из них трудоспособных – 103, мужчин – 61, женщин – 132, а также престарелых – 86 человек, подростков до 16 лет – 58.

В период с мая по сентябрь в сельхозработах принимало участие от 310 до 367 человек. Всего выработано 90673 трудодня. Уборочная площадь была: зерновых – 526 гектаров, льна – 100, картофеля – 15,7, многолетних трав – 48 гектаров. Урожайность составляла: зерновых – 7 центнеров с гектара, ржи – 9, картофеля – 34 центнера с гектара. Естественных лугов было скошено 840 гектаров. А сейчас в «Ярцевском» почти все бывшие луга заросли кустарником и лесом.

В 1950 году скота было: лошадей – 120 голов, коров – 81, телят – 98, свиней – 56, птицы – 80, овец – 244. Насчитывалось также 30 семей пчел. Надой молока на корову составил – 648 килограммов.

Всего получено доходов на 188 433 рубля, из них выдано на трудодни – 74 864 рубля, или по 85 копеек – на трудодень, плюс полкилограмма хлеба, 0,9 килограмма сена, 1, 2 килограмма соломы. Внесено на поля навоза – 3 800 тонн, вспахано зяби – 128 гектаров.

До 1958 года работали три колхоза. После смерти Сталина отменили налоги с частных в виде молока и мяса. Но вплоть до 1956 года народ одолевали внутренние Государственные займы. Каждый должен был подписаться на сумму, не меньшую месячного заработка, чем больше, тем лучше. Подписывались на заем и колхозы. Очень трудная была компания...

Колхозы в эту пору могли купить лишь по одной автомашине. В «Новом Севере» на машине ГАЗ-51 сначала работал В. Абрамов, потом – Анатолий Чухломин. В «Верном пути» газогенераторным ЗИСом управляли Николай Сластухин и Иван Гомзяков (впоследствии удостоенный ордена Ленина). В «Совете» на ГАЗ-51 работал Иван Липатников из Лальска, позднее – Иван Кириллович Токмаков со Стрекова.

Были построены гидроэлектростанции на Глядене и в Гребенево. Основной доход колхозы получали от льна. Увеличилась оснащенность МТС техникой, на которой уже не только пахали, но и выполняли другие работы: боронили, культивировали, сеяли. На самоходных С-4 начали убирать зерновые. В Лекваже была построена типовая мастерская. Жить стало повеселее, но народ в деревнях убывал.

В 1958 году произошло второе объединение колхозов - из трех образован один «Верный путь», который просуществовал до 1969 года. Председателями работали: Алексей Васильевич Соболев, Николай Александрович Токмаков, Всеволод Ефимович Кузякин, потом снова – Н. А. Токмаков и под конец, перед преобразованием колхоза в совхоз – Николай Иванович Чухломин.

Объединение колхозов совпало с передачей техники из МТС (машинотракторной станции) колхозам. Тогда же МТС были преобразованы в РТС (ремонтно-технические станции), которые занимались ремонтом техники и обеспечением колхозов запасными частями, материалами.

Первая гидроэлектростанция была построена в колхозе «Борец». Гляденская ГЭС имела мощность 25 киловатт и строилась в 1946 – 47 годах за государственный счет лальским «Промкомбинатом». Вторая гидроэлектростанция в В-Лалье строилась «хозспособом» в деревне Гребенево, т.е. в свободное от сезонных работ время, а необходимые деньги собирались среди населения и колхозов верхней части В-Лалья. Гребеневскую гидроэлектростанцию в «Совете» - начали строить в 1948 году и закончили в 1958 году. Был завезен локомобиль из-под Лальска, после завершения строительства гидроэлектростанции на небольшой речке Рип возле деревни Ярцево. Локомобиль работал для нужд строительства: приводил в действие пилораму, вырабатывал электроэнергию в ближайшие деревни. Строительство гидроэлектростанции было заморожено года на три, но потом возобновлено. За это время из пая вышли колхозы «Орел» и «Новая деревня»

В центре Верхне-Лалья, электроэнергии не было. Колхоз «Верный путь» выкупил в 1961 году для этих целей тот локомобиль, что освободился после пуска гидроэлектростанции в «Совете». Но, пока он стоял без дела и пока доставили на место, был разукomплектован, поэтому уже на следующий год списали трактор ДТ-54 и своими силами сделали свою дизельную электростанцию. В этой работе принимали участие Василий Иванович Марьинский, Иван Павлович Першин, Илья Анатольевич Низовцев и электрик из Кирова Николай Ходырев. Электричество появилось в селе Верхне-Лалье только в 1962 году.

С электричеством связан трагический случай, погиб электрик Токмаков Илья Семенович. Детали этого происшествия мало кто знает, поэтому сейчас ходят разные слухи о виновниках происшествия. Дело обстояло следующим образом. Две электросети Верхне-Лальская и Гребеневская имели возможность объединяться в единую с помощью электрорубильника в селе В-Лалье. Переключения должны были осуществляться по времени или по телефонным звонкам. Однажды во время летней грозы были повреждены опоры линий электропередач около деревни

Романово. Оборванные провода соединяли электрик с Ворончихи Токмаков Илья Семенович и электрик из Романова Токмаков Анатолий Сильверстович. Во время натягивания проводов со стороны села Верхне-Лалья была подана электроэнергия, именно тот провод что, находился с этой стороны оказался в руках Ильи Семеновича, он и погиб. В настоящее время кое-кто утверждает, что в гибели Ильи Семеновича виноват его напарник Анатолий Сильверстович. На самом деле напряжение подал Низовцев Илья Анатольевич с Астафьевой Горы. Причина трагедии была в том, что электрик села В-Лалье Низовцев не был должным образом извещён о проводимых работах на линиях электропередач. Следствие не усмотрело вины в действиях Низовцева И.А., и он был освобожден от уголовной ответственности.

После окончания Кировского сельхозинститута в 1960 году я (Лазарев Б.И – прим.ред.) начал работать главным инженером в «Верхнем пути», когда председателем уже был Н. А. Токмаков. Вся механизация села прошла практически при одном поколении людей. А первый трактор СТЗ-ХТЗ, колесный со шпорами, появился в Верхне-Лалье в 1934 году, первая автомашина (полуторка) – в 1938-м в семенном хозяйстве «Пламя». Кстати шофером работал Василий Иванович Марьинский, его вместе с машиной отправили на войну. Одними из первых трактористов в здешних местах были: Василий Иванович Марьинский, Иван

Коршунов (оба с Астафьевой горы), Иван Николаевич Сапожников, Николай Ефимович Сластухин, Павлин Иванович Кислицын с Сирина.

Перед войной на наших полях появились колесные трактора работающие на керосине и гусеничные газогенераторные, в 1953 – дизельные ДТ-54. Первый колесник МТЗ-2 появился в 1957 году и работал на нем Александр Егорович Горячевский. Позднее, в 60-х годах появилось множество механизированной техники в том числе комбайн СК-3, который достался Токмакову Алексею Егоровичу с Б.Стрекова. Предыдущая модель комбайна поступила в хозяйство еще в начале 50-х годов, а в довоенное время были прицепные комбайны С-3 буксируемые колесными тракторами.

Первыми самоходными комбайнами были СК-3. Прицепные копнителы были не удобны, поэтому делали самодельные навесные. Позднее распространение получили СК-4, внешне не сильно отличавшиеся от прототипа СК-3, в глаза бросается площадка обслуживания, на которую комбайнер мог перейти не спускаясь на землю из кабины.

Радио я** услышал впервые в 1946 году. Учитель Рафаил Семенович Токмаков купил детекторный приемник с наушниками. Мы ходили слушать радио к нему на квартиру, а жил Р. С. Токмаков на Сирине. В 1947 году сельсовет купил радиоприемник «Родина-47» на батареях. Ходили слушать все – и стар и мал. Много народу собиралось перед праздниками, когда выступал Сталин. Такой же приемник купил мой отец, Иннокентий Александрович, но это было уже в 1950 г. Упомянув Рафаила Семёновича, стоит отметить тягу этого

человека ко всему новому в радиотехнике, он ещё до появления телевидения в Верхне-Лалье начал эксперименты по приему телевизионного сигнала от удалённых телевизионных станций. Верхне-Лальцы до сих пор вспоминают транзисторные радиоприёмники Рафаила Семёновича размещаемые в спичечной коробке.

Первый радиоузел был организован на Калище в 1953 году в колхозе «Совет». Работал он от бензинового электрогенератора с двигателем

УД-2. Мощность радиоузла и громкоговорителей была такова, что его звук могли свободно слушать в деревне Княже и даже звук доходил до Змановского угора. Немного ранее в Калище появился батарейный приемник. На радиоузле первыми работали Федяева Людмила Николаевна и Горячевский Николай Алексеевич. После объединения колхозов радиоузел перевели в Верхне-Лалье, работал он тоже от движка и от этого радиоузла было радиофицировано все Верхне-Лалье. На радиоузле работали Серафим Васильевич Першин и Валентин Егорович Токмаков. Радиоузел существует до сих пор, иногда по местному радио передаются какие-то объявления, например об отмене занятий в школе во время зимних морозов. Этих объявлений ждали все школьники и во все времена, как радио пришло в Верхне-Лалье.

В 1960 в колхозе насчитывалось шесть тракторов ДТ-54, два – МТЗ, три колесника со шпорами марки ХТЗ, четыре комбайна С-4, четыре автомашины ГАЗ-51, одна авто летучка со сварочным аппаратом и один легковой автомобиль. Имелся определенный набор сельхозмашин: плуги, бороны, культиваторы, сеялки, жатки, льно-теребилки, молотилки.

Собственной ремонтной базы практически не было, только кузница и сварка. После пуска электростанции купили сверлильный станок, потом токарный (старый), притирочный, наждачный, установили тепло-генератор, козловой кран. Тогда с обслуживанием дела пошли получше.

Вся механизация на фермах началась с поступлением электроэнергии – начали с подачи воды в 1963 году, в 1964-м пустили первую электродойку с применением форвакуумных насосов на ферме «Астафьева гора», в 1965-м навозный транспортер. Фермы оборудовали водопроводами, паровыми котлами. Была организована запарка грубых кормов. Построены охладители молока для летнего периода. Устроены подвесные монорельсовые дороги для транспортировки кормов. Внедрение новой техники повысило общий санитарный уровень молочно-товарных ферм. Фактически до сегодняшнего дня механизация ферм осталась на уровне 60-х годов, только линейную дойку заменили молокоприемником, а некоторые средства малой механизации вообще утрачены.

Запомнился переход работы тракторов на гидравлику. До 1961 года гидравликой не пользовались во всем районе хотя навесные плуги, сеялки, культиваторы уже стояли на базе «сельхозтехники». На пахоте в особенности надо было иметь прицепщиков, а людей уже не хватало, да и труд прицепщиков считался очень неблагоприятным: всю смену приходилось трястись на плуге, дышать пылью. Мы в

Верхне-Лалье первыми перешли на использование навесных плугов. Первый такой пускали с трактористами из Токарева Василием Дмитриевичем Марьинским и Андреем Алексеевичем Абрамовым, они освоили новшество быстро. Часть навесок, пока другие колебались, мы привезли из других хозяйств района. Это было большое дело: трактористы уже не зависели ни от кого – паши хоть сутки напролет. «Узким» местом считались погрузочные работы – все вручную делали. В начале 60-х годов соорудили погрузчик на ДТ-54 с маленьким ковшом, открывавшимся специальным тросиком. Производительность, конечно, была низка, но все-таки работы вели не вручную. Потом уже, в конце 60-х годов, появился специальный погрузчик ПБ-35. Это был большой шаг в механизации погрузочных работ. Трудоемким процессом в период сенокоса считалось затачивание кос. Первое механизированное точило мы сделали на Астафьевой горе с Василием Ивановичем Марьинским. Работало оно от бензинового двигателя. Я рассчитал размеры в зависимости от оборотов двигателя, шкива, передачи. Потом механические точила сделали практически во всех деревнях.

Процесс трудоемкий и малопродуктивный – сушка зерна, которое сушили на овинах и так называемых сушилках Гоголя. Первую напольную шоху сделали в с. Верхне-Лалье, потом на Калище. Но кирпича не было, поэтому борова делали из досок с толью. Себя они оправдали, но правда оба эти тока сгорели. Потом уже борова начали делать из кирпича. А шохы работают и сейчас.

Делали ромбические сушилки. Работы с ними было много. Но зерно на них надо было давать не слишком влажным, и они не прижились у нас. Тем более, что с получением АВМ надобность в ромбических сушилках отпала. Семена получали на напольных шохах, а все остальное зерно сушили на АВМ для фуража.

Несколько слов о конструкции этих сооружений: Овин – обычно использовалось естественное углубление в земле или овраг, земля уплотнялась, строилась огромная печь-каменка, над ней настил из жердей застилаемый соломой. Поверх соломы насыпалось зерно. Над всей этой конструкцией строилось здание без окон, но с дымоходом. Это практически баня по чёрному. Туда периодически заходили (точней заползали) люди добавить дров и перевернуть зерно. Овины часто сгорали. Сушилка Гоголя – это уже инженерное сооружение. Большая печь с воздуховодами, зерно засыпалось сверху в специальные карманы. Человеку надо было только ходить слегка ворошить зерно в этих лотках-карманах, После готовности вынималась заслонка, зерно ссыпалось в зерновой ящик (раль) откуда уже перегружалось в мешки.

Шоха – это дощатая площадка с вентиляционными щелями закрытыми сеткой, с низу продувается горячий воздух от теплогенератора. Сначала это были солярные теплогенераторы, позднее электрические. Для более ровного распределения струи воздуха вдоль всей длины площадки (шохи) делался объемный воздуховод – боров.

Запомнилась кукурузная эпопея. С ее посадками было очень строго, были плановые задания, контроль осуществлялся райкомом партии. Сеять надо было квадратно-гнездовым способом. Для этого по проходу сеялки натягивалась проволока с шайбами через 70 сантиметров. Надо было пахать прямо, чтобы проволока проходила через вилку узлоуловителя. На

краях поля стояло два мужика со специальным колом и станцией. Помню сеяли кукурузу на Калище. На тракторе МТЗ-5 работал Илья Афанасьевич Сластихин, с колом стоял Фирс Михайлович Токмаков, а поле было неровное, с бугром. Илья Афанасьевич зацепил проволоку и поехал, а Фирс Михайлович кол не отпускает. Мы в это время с агрономом Александром Васильевичем Румянцевым находились в поле, чтобы понаблюдать весь процесс сева. Смотрим, Фирс Михайлович волоком тащится за проволокой. Остановились. Фирс Михайлович не отпуская шест, шутит: «Я всю войну прошел, инвалид, а вы меня на такую работу поставили... Разве я смогу трактор удержать». Посмеялись. Покурили. Что делать? Я говорю: «Давайте проволоку уберем, сеялкуотрегулируем, чтобы семена высевались через 35 сантиметров – все равно ничего не вырастет...»

Потом все так и сеяли. Как-то звонит секретарь райкома Михаил Андреевич Плюснин, дескать, приеду смотреть, как идет междурядная обработка кукурузы, а обрабатывать надо на восходе солнца.

Ну, ладно – наказали трактористу Александру Егоровичу Горячевскому, чтобы до восхода солнца был в полной готовности на Подымаловском поле. Утром ни свет – ни заря я на мотоцикле подъехал к полю. Мы с Горячевским походили по полю,

поковыряли землю, но ни одного всхода не нашли, а вот сорняки взошли. Приехал Михаил Андреевич. Ходит, смотрит на солнышко, мол рядки будут заметны: ему сверху так сказали. А какие рядки, если ничего нет... Поматерился, уехал.

Потом завезли в «Сельхозтехнику» бочки с парафином: надо перед посевом семена кукурузы опускать в расплавленный парафин. В земле, как она прогреется, парафин отойдет – и семена взойдут, а когда холодно, они будут просто лежать и не загниют. Мы тоже привезли бочку, но так на эксперимент и не пошли. Эта бочка у нас долго стояла и пропала бесследно.

Все таки в один из годов кукуруза уродилась очень хорошая, а уборочной техники для нее не было. Поставили на ноги всю школу. рубили мы ее топорами и складывали в кучки. Часть на фермы повозили, но в основном кукуруза испортилась.

С внедрением механизации и электрификации хозяйства резко возросла потребность в механизаторах. К 1969 году количество тракторов увеличилось до 25, комбайнов – до 9, автомашин разных марок – до 11. На фермах в штат ввели механизатора. Стали покупать бензопилы. Пильщики ездили на лошадях по фермам для распиловки дров и в лес для их заготовки. Требовались механизаторы на тока. Чтобы выйти из положения, я как инженер начал учить механизации учеников старших классов. В конторе организовали курсы трактористов из числа

молодых людей, работающих в совхозе, но не имеющих специальности тракториста. И положение быстро поправилось, так как чуть ли не все обучающиеся получили механизаторские права. Потом, уже после меня, подготовку механизаторов в школе продолжали инженеры Николай Николаевич Меньшиков, Рафаил Семенович Токмаков и позднее Михаил Федорович Першин. Учеба ведется до сих пор (1997 год – прим.ред.).

После окончания техникума и службы в армии в 1964 году в колхоз вернулся Николай Иванович Чухломин. Он был назначен механиком по механизации ферм и избран секретарем комсомольской организации. Комсомольцев было 70 человек. Н. И. Чухломин сразу проявил организаторские способности. Молодежь создала свой материальный фонд, зарабатывала деньги на воскресниках по заготовке дров и других работах. Юноши и девушки устраивали вечера отдыха, участвовали в художественной самодеятельности, проводили спортивные соревнования в масштабах своего хозяйства. Даже ездили с концертами по району.

Н. И. Чухломин загорелся желанием сделать в Верхне-Лалье парк отдыха. Место сначала определили в лесу, где сейчас находится Сирина ферма. Комсомольцы подготовили площадку, но потом место решили перенести на крутой берег реки в Деревне Сирино, где сейчас парк и находится. Расчистили место (на месте старого кладбища), произвели дополнительные лесонасаждения. Сделали танцевальную площадку (сначала открытую, потом закрытую), эстраду для постановки концертов, спортивную площадку, ларек. Место отдыха обнесли круговой оградой. Работы было много. Колхоз выделил только кой-какие материалы, а все делали комсомольцы на общественных началах.

С тех пор в парке стали проводиться различные летние мероприятия, на которые всегда людей собиралось много. На праздники в Верхне-Лалье стремятся попасть все, даже те, кто в разные годы уехал из родных мест.

В 60-е годы жизнь людей улучшилась во всех отношениях. Они стали

неплохо питаться, одеваться и кое-что покупать из крупных вещей. Когда я (прим.ред. Лазарев Б.И.), работал в колхозе, мой оклад на правлении обсуждали долго, в конце-концов решили платить 99 рублей в месяц. А медсестра в больнице получала 35 рублей. Вроде не густо, но рубль тогда был в цене: буханка хлеба стоила 14 копеек, бутылка водки – 2 руб. 20 коп., рубаха – 8-10 рублей, 25-30 - приличные брюки.

Но несмотря на улучшение дел в сельском хозяйстве, с годами по уровню жизни мы так и не сравнялись с городом, отток людей из деревень так и продолжался.

Сейчас спустя многие годы можно констатировать, что крестьяне не зря терпели лишения. Страна сумела восстановить разрушенное войной хозяйство, выстояла в противостоянии с Западом в так называемой «Холодной войне» - «Гонке вооружений». Только после известных событий с испытанием водородной «супербомбы», Тоцких военных учений, Карибского кризиса западные политики успокоились в попытках уничтожить Советский Союз, были заключены договоры об ограничении вооружений. Ну а на вопрос «почему за счет крестьян выстояла страна?», скажу - такова их судьба, всегда и во все времена именно крестьяне выносили на своих плечах всю тяжесть проблем страны.

В 60-е годы жизнь в деревне изменилась коренным образом, старики начали получать пенсии, правда те кто получали колхозные пенсии вначале были обижены, но потом в 70-х годах и эту несправедливость устранили. Зарплаты резко выросли, доярки получали зарплату более 200 рублей, в полеводстве тоже преодолели порог 100 рублей, это при средней зарплате по стране чуть более 100 рублей. О несвоевременной выплате зарплаты даже речи не шло. В первое время неожиданно свалившийся достаток пошел на пользу, но потом мужики начали злоупотреблять спиртным со всеми вытекающими из этой проблемы последствиями.

В апреле 1969 года наш колхоз был преобразован в совхоз «Ярцевский». К этому времени в состав хозяйства входило 30 жилых деревень, количество трудоспособных числилось 320 человек. Записывались и престарелые, так как отработав в совхозе полгода, они уже оформлялись на пенсию как рабочие, а пенсия рабочего была в два с лишним раза выше, чем у колхозника.

Основные фонды составляли 826 тысяч рублей. Кроме многочисленной техники в совхозе было еще 110 лошадей, КРС – 1072 головы, в том числе коров – 431. Производство зерна составляло 478 тонн, картофеля – 43, заготавливали сена 1138 тонн, силоса – 905, производили 511 тонн молока, 119 – мяса. Надой молока на корову был 1185 килограммов, привесы КРС – 430 граммов. Оплата труда составляла в среднем 719 рублей в год на человека. Хозяйство было убыточным, годовой убыток – 43,7 тысяч рублей.

Директором был Николай Иванович Чухломин, секретарем парткома – Юрий Павлович Сластухин, гл. инженером – Александр Васильевич Румянцев, гл. зоотехником – Галина Николаевна Абрамова, гл. бухгалтером – Тимофей Григорьевич Турунов, гл. экономистом - Петр Николаевич Плюснин, гл. ветврачом – Всеволод Сергеевич Плаксин, гл. строителем – Галлактин Николаевич Гондюхин.

В совхозе были две тракторные бригады и десять – по деревням. Наше хозяйство вместе с совхозами «Лальский» и «Русиновский» вошли в состав Кировского мясомолочного треста, возглавляемого Марией Ивановной Лейс.

70-е годы были лучшими в жизни крестьян за все годы ведения коллективного хозяйства. Совхоз интенсивно пополнялся всевозможной техникой, велось большое строительство, завозили племенной скот, элитные семена. Только концентрированных кормов для скота получали до 600 тонн в год.

Строительство началось в хозяйстве при Николае Александровиче Токмакове. В 1968 году начали строить: кирпичный клуб – первый подобного типа в районе, коровник на 100 голов с щелевым полом на Сирине и жилой дом. Строили хозспособом. Хорошо работала бригада закарпатцев, которая оба основных объекта возвела за одно лето с хорошим качеством. Клуб являлся центром культуры Верхне-Лалья, к нам стали приезжать артисты даже из больших городов.

Самым известным и титулованным гостем в Верхне-Лалье был артист Михаил Ульянов. В составе одной из трупп Ленинградской филармонии находился чернокожий музыкант, что очень порадовало верхнелальцев и стало предметом обсуждений на долгие годы. До событий называемых «Перестройкой» деятельность художественной самодеятельности была активной, практиковались выездные концерты коллективов в соседние хозяйства. С тех времен

и до сих пор действует библиотека, правда уже переведена в помещение школы. До 2005 года действовала киноустановка.

В 1970 году началось строительство механической мастерской и гаража. Сколько хлопот было из-за кирпича?! В области ничего не могли добиться, сказались добрые связи с Вилегодским районом. Хорошо помогли районные руководители В. А. Тупицин, Алексей Севастьянович Сластухин. Кирпич шел из Виледи, даже из Ленинградской области. Так что и мастерская, и гараж были построены. Для механизаторов и в целом для хозяйства это было большим делом. Мы стали иметь в хозяйствах все: кран-балку, токарные станки...

Но в новой мастерской мне** работать инженером не пришлось: в конце 1972 года избрали секретарем парткома совхоза. Одновременно был заместителем директора совхоза Н.И. Чухломина.

В 70-е года в совхозе начали внедрять звеньевую систему работы механизаторов. Первыми звеньевыми были: на выращивании и уборке зерновых – Иван Иванович Токмаков, Анатолий Васильевич Марьинский, на заготовке силоса – Н.А. Чухломин, сена – Г.А. Кривошеин.

Потом решили проблему подвозки кормов к фермам в стогах. Сначала делали тракторные сани и метали сено на них, затем стали возить на чекерах, но и эта работа тоже стоила больших затрат. Начали делать бревенчатые волокуши с системой тросов, потом – трехзубовые, они используются до сих пор.

Со временем начали использовать подборщики-копнители (бочки), польские подборщики-стоговозы, но они не прижились. Затем поступили подборщики-тюкообразователи. Первым их освоил Василий Иванович Белых. Техника эта капризная, как будто рассчитана на большое терпение механизатора, но использовали ее достаточно долго. Обеспечивали подборщиками – тюкообразователями наших шефов из Христофоровского леспромхоза и райбыткомбината. Тюков заготавливали много. Их укладывали в скирды. Построили для их хранения четыре навеса, хранили на Лисье в старой ферме. Тюки были удобны для работников животноводства, но труда с ними затрачивалось много. Два человека забрасывали тюки на автомашину, два укладывали в кузов, потом надо было скирдовать, чтобы не развалились, закрывать: под дождь оставишь – сразу промочит. Затем пошли рулонные прессы, которые применяются

и теперь. Для механизаторов хорошо, а для работников ферм рулоны не удобны: вес одного доходит до 800 килограммов.

Большой объем работ проводил мелиоративный отряд. Где можно убрали все межи, кусты и перелески, и поля стали больше. Осушили переувлажненные участки. «Сельхозхимия» интенсивно занималась извешиванием, завозкой торфа, навозо-минеральных удобрений, внесением их в почву.

Немалая организаторская работа проводилась на фермах. За каждой были закреплены представители районных властей, по линии парткома – актив совхоза, сельсовета. Помощь животноводам оказывали даже учителя и учащиеся школы, подменявшие работников ферм на выходные дни, а также работники больницы, маслозавода. В 1975 году средний надой на одну фуражную корову доходил до 2260 килограммов, а доярки Александра Васильевна Токмакова и Августа Ивановна Горячевская с Ворончихинской МТФ надаивали более трех тысяч килограммов молока. К трехтысячному рубежу подошли и А.фанастья Васильевна Сластихина, Зинаида Степановна Токмакова с Сиринской фермы, Людмила Григорьевна Першина, и Александра Ивановна Абрамова с Гусихи. Но первой трехтысячницей ещё в 60-х годах была Любовь Зосимовна Токмакова из Княжа, долгое время удерживавшая достижение, за что была удостоена Ордена Ленина еще в 1970 году в год столетнего юбилея Ленина В.И.. Ворончихинская молочно-товарная ферма чаще других оказывалась на верхней строчке при подведении итогов соревнования среди ферм совхоза, а доярка Токмакова Александра Васильевна 23 декабря 1976 года была награждена орденом Трудового Красного Знамени за надой по 3600 кг от коровы.

Улучшилось положение крестьян. Люди могли уже позволить себе покупать телевизоры, радиоприемники, мотоциклы, велосипеды, ковры, мебель... Стали расти вклады на сберкнижках. Но отток населения из сельсовета продолжался. Основной причиной были дороги – это вечная проблема российских деревень. Дорога от Верхне-Лалья до Лальска буквально вся находилась в глубоких колеях и ямах. Мы** с Н. И. Чухломиным

начали писать письма во все инстанции даже Л. И. Брежневу. Помню содержание последнего послания, которое начиналось так: «Уважаемый Леонид Ильич! Обращаемся к Вам уже в одиннадцатый раз все по одному вопросу...»

И в 80-е годы начали строить дорогу с гравийным покрытием. Опять начали писать, что ее надо строить из бетонных плит. Такие дороги начали строить с 1959 года в качестве лесовозных, а первая была построена в Белозерском леспромхозе Вологодской области. К началу перестройки дорогу все-таки сделали, осталось строительство мостов через Лалу. Успели! Немного бы запоздай, остались бы без дорог.

В те же годы сложилась очень тяжелая ситуация с работниками животноводства. На это время пришлось вторая волна оттока населения из Верхне-Лалья. Пожилые заслуженные доярки и телятницы ушли на пенсию, а заменить их было некому. На работу брали всех подряд. Появилось много людей типа «перекати-поле», которые ездили из одного хозяйства в другое. Это были в основном приезжие пьянчуги, которых в нашем хозяйстве побывало человек 15. Много нервов они испортили руководителям и специалистам. Как придет время

получки, так то тут коровы не доены, то там.

Помню приехали мы утром с Н. И. Чухломиным на Гусиху. Работала на местной ферме доярка Мария Николаевна Арефьева. Выяснилось, что вечером она коров не доила, утром ее тоже не было на работе. Пошли к ней на квартиру, кое-как достучались и начали разговор с горе дояркой. А та чуть жива с похмелья, но заверила нас, что на работу выйдет незамедлительно. Мы ушли на ферму, ждем, а Арафьевой все нет и нет. Н. И. Чухломин снова пошел на квартиру, а она снова лежит в постели. Потом смотрю, Н. И. Чухломин с вицей в руке гонит ее на ферму. Затем М. Арефьеву переводили работать в разные деревни. Трагический конец получился для доярки: по пьянке замерзла около своего дома уже работая на Ворончихе.

Конечно показатели по надоям в совхозе начали падать, и так было не только у нас. Вот тогда и возникла идея создания молодежного отряда «Пламя». Девушки по году – два после окончания школы работали на фермах. У нас трудились девушки из местной, а также из Христофоровской и Лузских школ.

Некоторые, как Лиза Назимова, Ирина Бечкова, после работы в совхозе поступили и окончили институты, а Люба Гороховская и Ирина Черкасова остались в Верхне-Лалье, вышли замуж. Люба по-прежнему работает на ферме, а Ирина в местной школе.

Конечно, девочкам приходилось трудно, но они старались, а кроме благодарности ничего не заслужили. С их приходом на ферме стали улучшаться условия труда (сделаны туалеты, душевые), оформлены неплохие красные уголки. Все молодые доярки принимали участие в художественной самодеятельности. Пьянки, и это главное, с ферм ушли.

В 1985 году с приходом к власти Горбачева началась Перестройка. Но скоро выяснилось, что она была только на словах и коснулась лишь центра, столичных городов и насаждалась сверху. Дела в экономике шли своим чередом и каких-то изменений мы в деревне до развала СССР не ощущали.

Потом началась чистая неразбериха. Например, наше хозяйство торговало с Украиной, точнее с Крымом – и все как заткнуло: деньги за доски получили с грехом пополам. Время шло быстро, рубль падал в цене, и пока те деньги шли, прокручиваясь в разных финансовых структурах, мы их получали значительно подешевевшими: расчет-то производился по старым ценам. Молдаване заготавливали лес своими силами, был у них трактор. Заготовили они около 500 кубометров. Так от них до сих пор ни слуху, ни духу. И лес у нас остался и трактор. Денег у нас на счетах было порядочно, около 600 тысяч рублей. Мы сумели купить все, что было в то время в наличии в агроснабе: комбайн зерноуборочный, три трактора и набор сельхозмашин. Дали в долг МСО на строительство теплой стоянки. Ее сделали, но пришлось строителям доплачивать. Или купили у ямальцев (МК-11) дорожные плиты, часть вывезли, часть не успели, так они не вывезенные плиты продали вторично, а нам вернули деньги, но уже обесцененные. Куда мы не обращались, ни где управы на них не нашли.

Потом Гайдар у всех людей деньги «отобрал», оставил ни с чем, в том числе и юридических лиц. Все, кто вовремя не спохватился, остались в «дураках». Начало «Перестройки» в России всех шокировало. Потом пошло, поехало... Цены на промышленную и сельхозпродукцию никто не регулировал, а сверху нас убаюкивали, мол возместим все.

Наш бухгалтер ежегодно прикидывал убытки от разницы цен, потом все бросил – кто и когда это возместит...?

Вот некоторые цифры нашего хозяйствования:

Виды деятельности	1990год	1996год
Внесено удобрений: - органических - минеральных	7 000 тонн 232 т в д. в.	2 490 тонн 3,4 т в д. в.
Известкование	до 200 га	-
Фосфоритование	более 70 га	-
Произведено: - зерна - картофеля	951 тонна 115 тонн	516 тонн 63 тонны
Заготовлено: - сена - силоса - травяной муки - на одну усл. голову	1649 тонн 3960 тонн 62 тонны 16,9 ц. к. ед.	823 тонны 2270 тонн - 13,2 ц. к. ед.
Надой на одну корову	2167 кг	1126 кг
Привесы КРС	361г	319 г
Произведено - мяса: - молока	до 170 тонн более 900 тонн	42 тонны 297 тонн
Денежные доходы	1 698 тыс. руб.	717 млн. руб.
Прибыль	+ 600 тыс. руб.	- 1 289 млн. руб.
Наличие техники: - тракторов - зерно. комбайнов - автомобилей	53 9 16	22 3 14
Колличество трудоспособных	130 чел.	101 чел.
Жилищное строительство	112 кв. м	115 кв. м
Долги (всего) в т. ч. зарплата налоги	- - -	500-600 млн. руб. 200 млн. руб. 160 млн. руб.

С 1991 года в результате политики на развал села показатели работы хозяйства становились все хуже. Материальное положение крестьян резко пошло вниз.

Как видно из приведенной выше таблицы, положение в сельском хозяйстве сложилось критическое. Считаю, что фермерство в наших условиях – идея абсолютно абсурдная. Что может сделать человек своими руками, если все хозяйство за 6 последних лет не смогло купить ни одного трактора, ни одной сельхозмашины! Рынка сбыта картофеля нет. Мясо, молоко убыточны, к тому же реализовать продукцию животноводства удастся с превеликим трудом. Один лес дает прибыль, примерно 25 рублей с одного кубометра. Но разве заготовкой древесины закроешь многочисленные прорехи, когда цены на горючесмазочные материалы, электроэнергию, технику, различные виды услуг просто астрономические! К примеру, если за гусеничный трактор раньше надо было продать три с половиной тонны молока, то теперь – сто!? Такие пропорции складываются во всем.

Современные сусанины (Ельцин Б.Н и др.-прим.ред.) завели крестьян в такие

дебри, что выхода никто не видит. Народ чувствует безысходность: надежды на нынешних правителей нет никакой. Ни одного светлого пятна у крестьян за последние шесть лет (в 1997 году-прим.ред.) не было. И впереди ничего не светит... Сегодня 2012 год, улучшения ситуации не предвидится, сельское хозяйство развалено.

Последние 10-15 лет положение деревни беспросветное, опять как в послевоенные годы деревню захлестнуло пьянство. Пьют с мала до велика. Любой заработанный рубль идет на пьянку, приличных денег, на которые можно что-то купить или построить в деревне, не заработать, мелочевки хватает на то, чтобы купить бутылку водки, благо она стоит дешево. Пьянство является причиной смертей и инвалидности, преждевременного ухода из жизни, и что прискорбно, так это то, что всё чаще стало касаться молодежи. Периодически возникающие государственные программы по поддержке села не приносят существенного эффекта. Требуется создавать государственные системы, приближающие деревню к рынкам сбыта.

Наши истоки

Мне** больше дороги и значимы две верхнелальские деревни – Лекваж, исток Лазаревых и Сирино, где родился и жил.

Деревню Малый Лекваж основал Андрей, живший примерно с 1796 по 1844 г. г. и работавший при В-Лальской церкви звонарем. Облюбовал он те места. Ему выделили земли около речки Лекваж. Это 12 км в лес от деревни Гляден и 15км до первой вилегодской деревни.

У Андрея в семье росло четыре сына:

Алексей (1816 – 1888 г. г.)

Игнатий (1818 –

1886 г. г.)

Степан (1820 – 1885 г. г.)

Иван (1822 – 1878 г. г.)

Они обосновались километрах в двух от речки. Начали корчевать лес, строить жилье, пахать, сеять...Наш род** пошел от Степана.

У Степана Андреевича было два сына: Василий (1840 – 1907 г. г.)

Порфирий (1850 – 1923 г. г.)

У Василия тоже росло два сына: Александр (1890 – 1927 г. г.)

Григорий, умерший 10 лет от роду.

Мой дед – Александр Васильевич женился на семнадцатом году, в жены взял Марию Григорьевну Суворову с Виледи (деревня Воронцово). Она говорила, что ее отец «был очень жаден до леса и поэтому выдал замуж меня в глухой лес».

У Александра тоже росло два сына: Иннокентий (1916 – 1992 г. г.)

Николай (1918 – 1982 г. г.).

Мой отец – Иннокентий всю жизнь прожил на Сирино, а вот Николай – в Москве. Интересно, что у отца нас сыновей тоже было двое и ещё две сестры Антонина и Людмила.

В деревне М. Лекваж, я запомнил, было 10 домов. Их ставили большими, в каждой по 4 комнаты, у многих стояло по 2 хлева. Жители все были родственниками. Праздники справлялись сообща. Работали дружно. Парни в жены брали верхнелальских или вилегодских девушек.

Рядом с нашей образовалась другая деревня – Большой Лекваж. Там селились выходцы с Виледи. Фамилии у них были Кондратовы, Быковы, Румянцевы. Кстати, Дмитрий Павлович Румянцев, работавший секретарем Лузского РК партии, имел как раз местные корни.

Жилось в Лекваже очень трудно, особенно в войну и послевоенные годы. Весь хлеб забирали подчистую, даже семена. Весной семена государство отдавало под посев. Где-то в 1946 – 1947 г. г. решения о выдаче семян долго не было, а весна пришла ранняя – все раскисло, не проехать. Нашли выход: носить семена на себе в мешках до 20 кг, лошадей хранили на посевную. Факт, конечно, печальный, в 1947 году пришлось есть хлеб с добавлением березовых опилок. А в Вилегодском районе существовали льготы, хлеб государству не сдавали. Жители Лекважа начали хлопотать о переходе в Архангельскую область. Ходоком в Москву на прием к Швернику был послан Григорий Михайлович Лазарев, и где-то в начале 50-х годов лекважане были переведены в северную область. Жить стало легче, но деревня просуществовала недолго, в 60-е годы опустела. Люди в основном переехали на Виледь в деревню Быково.

Лекважане были людьми мастеровыми, делали сани разных видов, мебель, посуду, кадки, берестяные туески всяких размеров. Собирали много грибов, особенно груздей, ягод. Сейчас к тем местам дорога уже заросла, только пешком можно добраться.

Из рассказов отца следует, что местная молодежь на гулянья в Верхне-Лалье ходила пешком, а это 18 км. То, что можно было одеть получше, парни складывали в мешки, а шли на гулянку в рабочей одежде. При подходе к селу переодевались, а мешки прятали в лесу. Нагулявшись, все собирались в определенном месте, переодевались и опять шли домой пешком, в основном босые.

Если ходили на гулянку до Ильинска в Виледь, то расстояние побольше было, километров за 20. И ведь часто ходили – дело молодое.

Молодежь любила и пошутить. Рассказывают: дело случилось еще до образования колхозов. Как-то все мужики договорились ехать на сенокос, каждый на своей лошади. А наиболее шустрые парни ночью затащили телегу Платона на крышу его дома. Утром все поехали, а Платон бегаёт, телегу ищет, на крышу не догадается посмотреть. Так и остался дома, уж вечером телегу с крыши сняли...

Деревня Сирино сейчас практически слилась с Верхне-Лальем. Сирино основано в начале XV века. Располагалось первоначально на горе Зоюшка и называлось Сирино горе. Постепенно деревня «съехала» к речке, где и находится теперь. На окраине деревни, где сейчас расположен парк отдыха, было кладбище.

Основные фамилии жителей Сирина были Токмаковы, Кислицины, Сапожниковы. Из этой деревни и вышел купец Токмаков Н.А.

По рассказам, здесь жил **Еким Токмаков**, человек неимоверной силы: двухпудовую гирию перебрасывал, как мяч, через дом. Если лошадь не могла взять воз в каком-то месте, Еким ее выпрягал, вытаскивал воз сам и только потом запрягал вновь. А характер имел своеобразный, был неразговорчивым. Жена, не в

пример хозяину – ростом маленькая, худенькая. Если что-то было не по Екиму, он, не говоря ни слова, залезал на печку и молча лежал, не ел, не пил день, два, три... На все разговоры жены не реагировал, а належавшись, опять не говоря ни слова, приступал к своим делам.

Были и мастеровые люди. **Мефодий Галактионович Токмаков** слыл прекрасным столяром, плотником. В 1940 году он сделал для отца стол. Прошло 56 лет, но на нем нет ни одно трещинки, слабинки. М. Г. Токмаков любил читать, частенько, когда работал, напевал что-нибудь. У нас был патефон, так он приходил слушать музыку, особенно любил народную песню «Ох ты, степь широкая». Пластинки лежали у нас стопкой и Мефодий сделал для них чудесный ящик с выдвижной крышкой.

Его дело продолжил **Николай Васильевич Токмаков**. Всем что-нибудь мастерил, делал для колхоза сани различных видов, телеги. Сам научился делать кирпич, класть печи. Сколько их сложено – счету нет. В войну служил в саперных войсках, строил мосты. Он рассказывал, как наводили мост через Днепр, а по реке плыли трупы словно бревна при молевом сплаве. Подвыпив, пел песни, имел хороший голос. Здоровый мужик был, но со странностью: один дома боялся ночевать.

Жили в Сирине **братья Кислицины – Федор и Семен Дмитриевичи**. Федор был годок Ворошилову, так у Кислицина старшего в доме на видном месте стоял бюст Маршала. Федор Дмитриевич участвовал в русско-японской войне и рассказывал, что китайцы в начале этого столетия жили очень плохо. Куропаткина ругал.

В колхозе **Федор** кормил племенного жеребца и был постоянным сторожем – охранял посевы гороха, деревню и церковь, в которой в то время хранили зерно. Очень любил, когда хвалили его жеребца. Мы, ребята, этим пользовались: пойдем в школу, увидим Федора Дмитриевича и давай нахваливать его жеребца. Услышав похвалу, старик говорил радостно: «Ну, ладно, садитесь, уж подвезу». Если надумали ребята полакомиться горохом, опять заводили разговор про жеребца и хозяин разрешал его пособирать, но приговаривал: «Рвите, только с края поля».

Старик был самобытный. Он никогда не ложился спать – где придется, там и прикорнет, и опять на ходу. Как-то помню шло колхозное собрание. Федор задремал. Собрание уже подходило к концу, люди голосовать стали, а Семен, брат Федора его в бок толкает: «Спишь, не видишь, а у тебя теленка решают отобрать». Федор подскочил от неожиданности, смотрит, колхозники голосуют единогласно. Тогда он подскочил к председателю А. Д. Чухломину, кулак ему под нос подsunул: «Вот тебе, - говорит, - не теленок!» Весь народ в хохот, а Семен от стыда убежал из избы. Долго еще веселились люди вспоминая этот случай.

Федор был очень аккуратным человеком. Сапоги хромовые и ботинки носил 25 лет – это все знали. Эту обувь он одевал только по большим праздникам. После чего все аккуратно протирал, тщательно смазывал мазью и клал на хранение. Когда старик умер, Миша – племянник его за одно лето все «спустил».

Федор Дмитриевич любил рыбные пироги. А порядок был у него такой – чтоб жена его Елизавета рыбный пирог ему на стол подавала головой рыбной к хозяину. Один раз ошиблась, тут хозяин и «закипел». Схватил топор и обухом стукнул ей по горбу (она горбатая была). Чтобы в другой раз не перепутала.

В деревне был общий невод и хранился он у Федора. Рыбалка неводом – целое событие. Тогда каждая деревня рыбачила на своем плесе. И не дай бог, если кто из посторонних вздумает схитрить – весь улов отберут, побьют, чуть живого домой отпустят. Мужиков на рыбалку собиралось много, прибегали и ватаги мальчишек.

Начинали бродить всегда с границы деревни Княже. Но прежде, проходил целый ритуал. Федор, нас мальчишек, посылал узнать, где Максимовна. Была такая старуха, которую он считал своего рода колдуньей. Если ее не было на улице, шли на рыбалку, но если она попадалась на пути, то рыбалка отменялась. Прежде чем произвести первый заброд, Федор три раза через плечо бросал соль в воду, при этом что-то приговаривал.

Рыбы в то время в Лале водилось много, брали ведра по 3 – 4. Потом рыбу делили, раскладывали на кучки по числу рыбаков. Улов оценивали все вместе, одному из ребяташек завязывали глаза и Федор показывая на кучку спрашивал: «Кому?». «Николе, Мише, Ване...». Споров не было.

Вино на рыбалке никогда не пили. А уж после... Подвыпивши, Федор пел частушки, которых знал очень много. Но эти пел обязательно:

Проводили меня девушки
До сиринских полей.
Наказали мне-ка девушки,
Что водочки не пей.
Девоч не послушался -
Водочки накушался.

Братья дома работАют,
Мы в Архангельске живем.
Нас богатых ожидают,
Мы в опорочках придем.

Семен Кислицин в противоположность брату Федору был худеньким, небольшого роста. Но оба брата носили бороды. Семен жил на Сирине со снохой и внучкой. Он трудился в колхозе конюхом и разнорабочим. Человеком был жизнерадостным, неунывающим, занимательным рассказчиком – что провода, что вымысел, понять было трудно.

По его рассказам получалось, что воевал он с турками. «Мы, - говорил, - их легко брали, через плечо на штык бросали, как снопы». Говорил он и то, что ему «...приходилось работать в Архангельске – с ларьком ярцевским; ...иметь связи с революционерами; ...уходить от преследования чуть не до самой Англии; ...а если стоять на посту, то только на самом главном – у Ленина...». Семен Дмитриевич очень уважал Крупскую, ее портрет висел у него на стене. «Спину, - говорил, - у нее в бане мыл». Часто рассказывал, как возил на лошади в Вятку Ульяну Петровну, жену купца Токмакова и сколько там приключений было.

Кто победит в войне 1941 – 1945 г. г., у Семена сомнений не было. У него в огороде муравейник был. «Я, - рассказывал, - разложил его на две кучки по разные стороны изгороди, да и определил: эта наша армия, эта – немцы. Чья возьмет? Немецкие муравьи на наших сначала поперли, потом смотрю, наши очухались и погнали немецких муравьев, им деваться некуда. Через изгородь так и прыгают... Все стало ясно, кто победит».

После войны многие ходили в шинелях. «Встал я как-то рано утром, - вспоминал Семен, - смотрю на Зоюшке кто-то в шинели стоит: неужели Сталин приехал нас попроведать? Подошел поближе, а это Уляха Суханова. Поругал ее, мол, зачем народ в заблуждение вводишь...»

Как-то раз, уже в последние годы его жизни я встретил С. Д. Кислицина. «Ну,

как, Семен Дмитриевич, жив-здоров?» «Да приболел, уж совсем умирать собрался. Лег, лежу, смерти жду, а тут правнучата забрались ко мне на кровать, давай меня топтать. Всего истоптали - вот сейчас опять живу, хожу...»

Мы, ребята, общались еще со стариком **Ефимом Алексеевичем Сластихиным**. Он был пчеловодом. Мы ходили на пасеку, особенно когда качали мед. Для нас это был целый праздник, когда Ефим давал нам по кусочку хлеба, намазанного медом.

Жил на Сирине и **Николай Степанович Кислицин**, лихой наездник, кавалерист. Я запомнил, как он на скаку лошади поднимал с земли монету – такое ни у кого не получалось. Он пожил после войны мало.

А вот **Иван Николаевич Сапожников**, 1914 года рождения, всю жизнь проработал на тракторах, начинал еще на С – 65. На войне служил в Заполярье. Был трактористом на аэродромах. Человек очень дотошный, аккуратный. Ремонтировал технику не спеша, но надежно, всегда достигал хороших результатов в труде, ходил в передовиках. Но если что-то было не по нему, тут не дай Бог – просто «кипел», другой раз шапку на землю бросит и ногами топчет.

Зимой »железные кони« стояли у домов трактористов: гаража не было. Как ни поздно приезжал Иван Николаевич домой, жена его встречала с фонариком. И пока он не осмолит теплый еще трактор, - нет ли где масляных подтеков, слабины в механизме, везде ли есть смазка – домой не заходит. Чуть в чем засомневался, сразу приходит ко мне за советом, тем более, что мы жили по соседству.

Павлин Иванович Кислицин, 1913 года рождения – один из первых трактористов В-Лалья. Долго работал на колесниках со шпорами, потом – на ДТ-54. Работать ему было сложнее, чем другим: не большого роста, а сил прикладывать надо много. После войны он на колеснике приводил в движение сложные молотилки, пилораму. На гусеничном тракторе возил частникам дрова, сено. Механизатор был старательный с чувством ответственности.

Были у него в жизни интересные случаи. После войны мужики рыли ямы для поимки волков. Павлин как-то шел на Горку и попал случайно в одну из таких ям. Вылезти не смог. Слышит: мужики идут к яме. Он закричал. Мужики поняли, что в яме человек, но вроде как не слышат. Старший дает команду, кому откуда заходить, стрелять наверняка... А Кислицин из ямы кричит: «Мужики, не бейте меня, это я, Павлин с Сирина!» Долго мужики потом со смехом про тот случай вспоминали.

Или дали ему лесной сенокос на двоих с И. А. Сапожниковым. А погода стояла плохая и они с половины площади сметали сено в так называемые островья. Назавтра пошли доубирать сенокос. Павлин пришел раньше, слышит, в лесу что-то трещит, думал медведь и с испугу заскочил на зород. Тут выходит из лесу Сапожников, закричал на него, заматерился, дескать, ты чего сено топчешь. А Павлин не знает что и сказать. Только и произнес: «Ваня, вон где я...» Потом опять мужики над ним долго подшучивали.

Алексей Дмитриевич Чухломин, 1908 года рождения, - личность колоритная и своеобразная. После войны работал председателем небольшого колхоза, бригадиром. Мужик малограмотный, но рассудительный, умел держать людей «в узде», любил дисциплину и порядок. Если все шло хорошо, то и он сама любезность. Но если что не так, то был груб с подчиненными, мог кулаком припугнуть. Как-то одна из женщин, не спросившись, взяла колхозную лошадь привезти с поля свою картошку. Уже нагрузила телегу, откуда ни возьмись, прибежал председатель, мешки сбросил в грязь, а лошадь угнал. Сколько слез было у женщины...

Но дела в колхозе, бригаде у него шли неплохо. Люди его побаивались, спорить опасались. Помню, на правлении обсуждали Н. Е. Сластихина,

работавшего на вывозке леса в лесопункте. А дело было так: Николай Васильевич воз нагрузил большой, лошадь не повезла, и он головней ткнул лошади в зад. Та заболела... Отец просил за сына: не судите, мол, у него приступы горячки случаются. В конторе, когда шло правление, топилась железная печка – буржуйка. Вот Алексей Дмитриевич и говорит: «Пусть Сластихин сядет голой задницей на печку – тогда и поверю, что у него горячка». Долго судили виновного и решили: «...пусть Ефим и сын ведут лошадь домой кормят и лечат ее. Если она поправится, простим, если нет – станем судить». Лошадь все-таки поправилась, еще долго на ней работали.

На пенсии Алексей Дмитриевич прожил мало. Давно уже умер.

И. А. Кислицин родился в 1919 году. Человек нелегкой судьбы. Прошел всю войну, но в конце ее при обезвреживании банды бендеровцев. в Западной Украине. был ранен в правую руку и ее отняли по плечо. Дали третью группу инвалидности, а жить-то надо. Иван выучился писать левой рукой и делать всякую хозяйственную работу. Достаточно ловко орудовал топором и лопатой, косой и граблями. Сначала работал избачем, потом сборщиком налогов. Длительное время заведовал клубом, был председателем сельсовета. К работе всегда относился добросовестно. Образования не хватало, но все познавал на практике.

Вся жизнь у него прошла с шутками, да с прибаутками. Когда прижмет – и поплачет, но духом не падал, хотя причины были. Я вот тоже никак не могу понять иной раз наших медиков: сколько раз добивался И. А. Кислицин назначения ему второй группы, но все усилия оставались тщетными. А вот односельчанин его Н. В. Белых в свое время до фронта не доехал, на станции попал под бомбежку. Был ранен осколком в ладонь, потом делать мог все, но ему вторую группу присвоили без всяких проволочек.

Помнится, где-то в конце 40-х годов был концерт. Два артиста на него не явились. А народ собрался. Вот и пришлось Ивану Кислицину выступать сразу в трех мужских ролях. Смеху было много. Ездили уже в 60-е годы на районный смотр самодеятельности в Лальск. Нашему коллективу дали премию – баян. Все гордились этим достижением, особенно Иван. А тот баян долго служил верхнелальцам. И сейчас И. А. Кислицин держит хозяйство, даже помогает родственникам.

Жила на Сирине семья **Анны Фроловны Токмаковой**. Муж ее Феодосий, мужик зажиточный, умер до войны. Осталась она с сыном Валентином и братом мужа Николаем, человеком тихим, умственно неполноценным, но крепким и физически здоровым мужиком. Анна Фроловна хозяйкой была никудышной, к жизни не приспособленной, что было нажито – быстро прожила. Все держалось на Николае. Хотя скота ни какого не держали, но налог на него все равно начисляли. Ежегодно приходила комиссия описывать имущество, которого практически тоже не было, - но надо что-то писать. Записывали кафтан и... колоколец. В голодное время, особенно зимой, Николай уходил по деревням собирать у людей куски. Обход у него был большой: все Верхне-Лалье, Виледь, деревни расположенные аж до Лальска. Ходил он в «бутах», латанных-перелатанных валенках. А вшей на нем были миллионы... Случалось, выйдет на улицу, разденется, веником паршивцев сметает...

Вши были общей бедой. Нас родители мыли в бане, чаще со щёлоком. Белье прожаривали на каменке, волосы остригали наголо. И в школе, если у кого находили вшей, тоже стригли «под ноль», даже девчонок.

...Так вот, этот Николай удивлял своей выносливостью. Мы, ребятня, рано начали ездить на лошадях, выполнять какие-то дела. Особенно тяжело нам было накладывать на телегу или сани навоз. А Николай работал один, как погрузчик, а ручное точило мог вертеть часами, как электромотор – только подкармливай его.

Однажды пришел к нам домой. Бабушка решила накормить его до сыта. Николай съел почти ведерный чугунок картошки, большой каравай хлеба, два блюда капусты. И что было удивительно, никогда не болел.

Тех, кого я знал на Сирине в разные годы, было около 170 человек. 78 из них уже нет в жизни. Из «средней поросли» сиринцев (родившихся в 30-40-е годы) кроме меня в деревне не осталось ни одного. Но судьба многих мне известна.

Виктор Петрович Токмаков, 1936 года рождения, окончил Ленинградский институт водного транспорта. Работал начальником речного порта в г. Уфе. Все звал меня в гости. Наконец-то в 70-е годы к нему собрался. Виктор встретил меня радушно. Хотел подарить форму речника, но я отказался. Потом Виктора Петровича перевели в Москву главным инженером речного флота, там он и работает по сей день. Дослужился до адмирала, но человеком остался очень простым.

Василий Николаевич Чухломин (1932 г. рождения) после окончания Великоустюгского речного училища и института водного транспорта работает инженером по своей специальности в Беларуси.

И. Н. Токмаков (1938 г. р.) после службы в армии остался в Москве. Потомственный строитель. Принимал участие в строительстве Кремлевского Дворца съездов, института твердых сплавов. Уже второй раз занимается ремонтом зданий в Кремле.

Алексей Николаевич Кислицин (1931 г. р.) окончил лесную академию. Долгие годы работал главным механиком Лузского лесопромышленного комбината..

Василий Николаевич Кислицин (1936 г. р.) тоже окончил лесную академию. Работал директором объединения «Кировмебель».

Петр Павлинович Кислицин после окончания торгового техникума был директором Лузского орс, сейчас работает в Кирове, в облпотребсоюзе.

Евгений Иннокентьевич Лазарев окончил Сыктывкарский лесотехникум, но жизнь посвятил литературному труду, работал в редакциях газет Коми (Ухта, Печора). Порядочно написал стихов, некоторые печатались и в «Северной правде».

Николай Николаевич Плюснин (1938 г. р.) окончил горный институт. Работает на Украине, там же и его брат Виктор.

Много выходцев из Сирина живут и работают в разных уголках России учителями, медиками, бухгалтерами... Всем нашлось место в жизни, кроме малой родины – Верхне-Лалья. Об этом иногда думаешь с грустинкой.

Моей родной деревней является Стройково (Стреково), хотя и деревню Княже ради справедливости надо упомянуть, где провёл начало сознательной жизни у бабушки Кривошеиной Евдокии Петровны. Именно с Княжем связаны первые детские запомнившиеся события. Но вернёмся к официальной малой Родине. Заселялось, строилось, жило Стройково как и все другие деревни Верхне-Лалья. Если присмотреться к фамилиям верхнелальцев можно обнаружить преобладание в каждой деревне одной или нескольких фамилий. Возникает вопрос почему так случилось? Ответ надо искать в способе устройства общественной жизни в сельской местности России. Это была сельская община, она была и способом местного самоуправления и способом управления сельским населением со стороны государства. В политические дебри углубляться не будем, нас интересует причина концентрации определённых фамилий в отдельно взятых деревнях. Особенностью общины было то, что за ней закреплялись лесные, водные

и сельскохозяйственные угодья. Все ресурсы делились поровну на душу населения общины. Постороннему сложно было стать членом общины и получить право для участия в разделении общинной собственности, поэтому дети (мужского рода) жителей деревни оставались в деревне. Девочки могли уйти замуж за жителей другой деревни, но они не были носителем фамилии и не имели учетной единицы «душа». По этой причине в каждой деревне сложились семейные фамильные общности. Для Стрекова характерны две фамилии Токмаковы и Абрамовы. Исключение составляют несколько семей с фамилиями Лёдышевы, Машановы, Чухломины.

Деревня Стройково одна из старейших деревень Верхнее-Лалья. Это фактически две деревни Большое и Малое. При переписи прихода в 1625 году деревня уже существовала и этот год был указан как год основания деревни, по поводу других деревень была дана переписчикам более подробная информация, поэтому указаны более ранние сроки основания.

В первых документальных упоминаниях вместе с деревней Стройково упоминается деревня Соловьево: «Двор пуст владельца Григорья Токмакова а Григорей бездетен и престарелся и живет в деревне Соловьево в Стрекове». Есть основания полагать, Стрековом называлось Малое Стройково, а нынешнее Большое Стройково по началу именовалось деревней Соловьево. Основные фамилии в деревне, как уже упоминалось, Токмаковы и Абрамовы.

Токмаков Федос Федосович, (1950-2009) Окончив Кировский сельскохозяйственный институт поступил на работу в Лузскую районную инспекцию Гостехнадзора, всю жизнь проработал в ней на различных должностях, а затем долгие годы возглавлял её. Ещё будучи студентом Института увлекся фотографированием, многие земляки имеют фотографии в его исполнении. Имеется довольно внушительный домашний архив фотографий.

Токмаков Иван Николаевич, (1930 – 1995), весьма колоритная фигура деревни. Крепкий, закаленный мужик, обладавший недюжинной силой. Все наверное помнят его привычку ходить со сдвинутой назад шапкой и расстегнутой нараспашку грудью в любую погоду и мороз. Долгие годы работал бригадиром. В последние годы, когда деревня стала пристанищем пенсионеров, он буквально был палочкой-выручалочкой старушек, помогая им во всем. От заготовки дров, до доставки продуктов питания из магазина. Спасала деревню вместе с ним и его лошадка. Когда его не стало, не стало и деревни, оставшиеся бабушки переехали кто-куда. Он был предпоследним мужчиной деревни, после его остался Иван Иванович Токмаков.

Токмаков Иван Иванович, (1930 – 2011), последний житель деревни. После выезда бабушек деревни в село Верхне-Лалье, он ещё некоторое время продолжал жить в деревне, потом стал жить только в летнее время, сенокосил. Он был первым трактористом (трактор ДТ-54) деревни и практически единственным. Некоторое время ещё имел трактор Абрамов Пётр Иванович, но после назначения его управляющим отделением Иван Иванович снова остался единственным трактористом со своим ДТ-75. Всё свободное пространство деревни было занято его трактором, а именно повсюду находились либо прицепные устройства-орудия или какие-то узлы трактора. Сам ремонтировал свой трактор, один из ровесников рассказывал, как он в одиночку снимал и устанавливал коробку передач трактора ДТ-54, а весила она не много не мало более 75 килограмм. Потом к старости мучился проблемами с позвоночником, причиной была конечно не только коробка

передач, вся работа с трактором в те времена требовала огромных физических усилий. Тракторист был не только трактористом и слесарем, он был и прицепщиком и грузчиком.

Последние годы Иван Иванович жил в селе Верхне-Лалье около своих детей, а всего их шестеро и живут поблизости друг от друга.

Абрамов Емельян , 185.. г.р дал прозвище «Омеличи» своим потомкам. О происхождении этого прозвища рассказывает Анатолий Зайцев из рода "омеличей", проживающий в городе В.Волочек. «Прадед моей бабушки Емельян, крестьянин, от него произошло прозвище «омеличи». Человек, судя по всему, был незаурядный, поскольку его именем называли потомков. Его сын Иван Емельянович имел мельницу и пивоварню на Стрекове.» Кстати следы мельницы при желании можно обнаружить и сейчас под М. Стрековым возле «слуды». Следы от пивоварни ликвидированы при проведении землеустроительных работ в «Сохре». Пивоварня находилась около Черной речки, с правой стороны от мостика через неё и представляла огромную бочку, где варилось пиво и домик для отдыха работников. Постоянных работников на пивоварне не было, она сдавалась в аренду на условиях популярного тогда половничества (натуроплата), т.е. оплата полученным пивом. После коллективизации пиварня ещё какое-то время использовалась, потом обветшала и уже не восстанавливалась.

Абрамов Иван Петрович, (1898-1976) Из рода Омеличей. Последние поколения стрековцев помнят его как почтового кучера. Он многие годы выполнял государственную обязанность по доставке почты в Верхне-Лалье из Животова. Но не всю жизнь он был кучером. В молодости был призван в русскую армию, участвовал в войне с Германией. Был на территории Румынии. О времени его пребывания в Румынии рассказывал случай, как они поймали курицу и съели. Оказалось, что это была единственная курица хозяйки. Случай дошел до командования, участники Куринного пиршества были строго наказаны. Во время революционных событий их полк оказался в Питере и однажды присутствовал на митинге с участием Владимира Ильича Ульянова. До оратора было далеко, но запомнился коренастый человек, который энергично жестикулировал. Во время службы в армии обучился грамоте. После коллективизации работал писарем в СЕЛЬПО. Затем был счетоводом в колхозе «Новый Путь», а потом и председателем колхоза до его объединения с другими колхозами. Уже в 50-е годы начал работать в почтовом ведомстве. Земляки часто с ним заказывали купить продукты питания, промышленные товары. Он к этим просьбам всегда относился с пониманием. В старости любил ходить в гости по деревне, умел занятно рассказывать истории, был желанным гостем в любом доме. У него в доме на подоконнике была сделана отметка полуденного положения солнца. Вся деревня бегала смотреть время по этой отметке и в то время когда часов не было и позднее для сверки показания часов. Уже после радиофикации необходимость в этой метке отпала, по радио передавали сигналы точного времени.

Абрамов Лазарь Петрович, (31.12.1910-6.02.1975) Из рода Омеличей. Призван на службу в армию в 1940 году, служил на Дальнем Востоке. Участник Великой Отечественной войны с первых месяцев, был ранен в 1943 году, комиссован. По прибытии на родину работал бригадиром-животноводом, затем председателем колхоза «Новый Путь» после укрупнения колхозов стал деревенским бригадиром. Многие односельчане были обижены на него за его суровость и требовательность. Обвиняли в том что строго соблюдал известный «Закон о трех колосках», но обвинения были необоснованные. Он просто грозил. Реально по этому закону

получили срок по одному году три человека с М.Стройкова: Машанова Елизавета за собранную в фартук замерзшую картошку, Лёдышев Петр за сноп нарванных колосков ржи, Лёдышева Ульяна за небольшое количество подобранной после уборки полей картошки. Осуждены они были по показаниям Токмакова Егора Андреевича.

Из военного прошлого Лазарь Петрович неоднократно рассказывал случай, благодаря которому остался жив. В Ростовской области были на марше, объявили привал, выдали обед и фронтовые 100 грамм. Они с другом отделились от батальона и отошли в балку. Там пообедали и легли полежать. В это время случился внезапный авианалет. После бомбежки вернувшись в расположение батальона обнаружили, что никого не осталось в живых.

Абрамов Иван Петрович (Медведь), (1895-1971) Был участником Империалистической войны, попал в плен. Во время плена находился на территории Германии и работал ездовым у одного из немецких землевладельцев. Ему очень понравилась пунктуальность немцев, об этом всегда рассказывал. В Германии принято при наступлении обеда чем бы не занимался, обязан был выпрячь свою лошадь, дать ей корм и самому обедать. Кормили хорошо. В бане пленного мыли каждую неделю и каждый раз выдавали новое нижнее бельё. Иван Петрович был одним из тех, кто научил верхнелальцев правильно выращивать картофель. До Первой мировой войны с картофелем не умели обращаться. Сам он был лентяй, как говорят очевидцы, но других учил правильно работать на картофельных участках.

Машанов Александр Петрович (Олекса Раха), (1897-1968) Мне он запомнился как частый гость в деревне, всегда веселый и ироничный. Как потом оказалось, был часто пьян. В 50-х годах он перебрался жить в поселок Таврический. Во время войны находился на Трудовом фронте. Однажды прислал шуточное письмо Абрамову Ивану Петровичу, подмечая его физическую травму – потерянный глаз. «Мы вот тут воюем, а ты всё лежишь прикрывшись газеткой» - это он подмечал привычку Ивана Петровича лечь полежать днем и накрыть лицо газетой от света. Или вот такой случай: «Александра Петровна вот тут на тебя ругалась Анна Ивановна, потом шел к Анне Ивановне и рассказывал как на нее ругалась Александра Петровна». На следующий день естественно эти две женщины начинали ругаться, выясняя отношения. Интрига конечно выявлялась, но повеселиться успевали многие.

Александр Петрович в 20-х годах - компании всеобщего обучения грамотности обучал жителей Стрекова. Позднее, когда уже жил в поселке Таврический являлся внештатным сотрудником районной газеты «Лальская Правда», позднее переименованной в «Северную Правду».

Токмаков Всеволод Ильич, (1923-1942) был призван на Великую Отечественную войну, воевал под Ленинградом, пропал без вести. Предположительно участвовал в строительстве известной «Дороги Жизни». Стрековцы его запомнили как изобретателя деревянного автомобиля. В то время было мало, что известно деревенским жителям о машинах, но вот человек загорелся такой идеей и решил ее реализовать. Достроить не успел, после его гибели машину разобрали, и истопили в печке как дрова. В 21 веке идею изобретения автомобиля продолжил Токмаков Николай Михайлович. То, что из этого получилось можно посмотреть здесь: <http://samodelkin.komi.ru/avto.html>

Токмаков Кирилл Сидорович поплатился за свою доверчивость в одной из

деревень под Лальском. Это где-то в районе деревень Скалепово - Борисово. Возвращаясь домой в Верхне-Лалье из Лальска пришлось заночевать, а там нашелся ловкач типа современных напёрсточников. Только предметом жульничества был скрученный ремень. Надо было воткнуть палец в один из изгибов ремня и не оказаться захваченным ремнем в удавку. Таким образом проиграл корову. Жулики приехали с ним домой и увели корову. Не знаю насколько это было болезненно для семьи, животных тогда держали по-многоу.

Токмаков Дмитрий Иванович, 25.10.1839 (мой пра-прадед*) аналогичным путем, но в карты чуть было не лишился лошади с упряжью и кафтана. Было это в 70-х годах 19 века. Спас его находчивый хозяин дома, который понял что человек пропадает, он скрытно запряг его лошадь, вынес одежду на улицу и намекнул, что надо сказать выйти в уборную, а там уже тот сообразил и уехал домой. Жулики кинулись в погоню, доехали почти до деревни (Стрекова), но там встретились с отцом уже упоминаемого Абрамова Ивана Петровича (Медведя) и узнав что у него пятеро братьев не решились пойти отобрать проигранное. Развернулись и уехали. Было ли на самом деле пятеро братьев сейчас уже достоверно не известно. Может быть **Петрован** смекнул и спас игрока

Машанов Петр Иванович имел не малое хозяйство. Был дом из 4-х изб, обширный склад для хранения продуктов, ещё один дом был не достроен, множество мелких построек, была куплена земля. Немного торговал продуктами, ездил за ними в Сольвычегодск, Лальск. Имевшийся доход позволил построить указанные дома, прикупить земли. Когда началась компания по раскулачиванию Машанов П.И. попал под раскулачивание. Его сыновья имели собственные семьи поэтому под компанию не попадали, а вот дочь Евдокия чуть было не пострадала, но спасло её замужество за Абрамова Лазаря Петровича.

Токмаков Николай Андреевич В годы войны был призван на фронт. На фронт он не попал, а всю войну проработал на оборонном заводе. Домой вернулся после войны, гордым, заносчивым. За его строптивость и заносчивость мужики прозвали «москвичом». Своим прозвищем непосредственно способствовал приклеиванию ярлыка «москвичи» всем стрековцам, хотя тут был и другая причина. На Стрекове жители всегда жили по московскому времени, а не по местному кировскому как в других деревнях. Только ближе к концу 70-х годов кировское время отменили и ввели московское. Ради истины надо сказать, что ещё в Токарёво жили в московском измерении.

Токмаков Дмитрий Иванович, 25.10.1839 г.р., уже упоминаемый выше. Является основоположником прозвища «Заяц» себе и потомкам своим за поход в течение дня до Сольвычегодска и обратно. Дело было так: В то время были весьма популярны женские полусапоги. Появился какой-то повод подарить жене Ульяне эти самые сапоги и Дмитрий отправился за покупкой в г. Сольвычегодск. По нынешнему административному делению он находится в Архангельской области не далеко от современного города Котласа. Измерения по карте показывают, что по линии соединяющей Верхне-Лалье и Сольвычегодск расстояние составляет 60 километров. Реальная длина пути конечно же существенно больше. Это где-то 70-80 километров. И так, дело было по весне. Установилась морозная погода после оттепели. Снег крепко схватился в прочный наст. Рано утром семья встала. Хозяйка начала готовить тесто для выпечки. Дмитрий, вооружившись лыжами, отправился в путь. Каким маршрутом он двинулся к цели теперь уже никто не скажет. Но как теперь известно, Дмитрий вернулся домой с подарком для жены Ульяны, когда еще

не остыли колобушки. Т.е. весь поход длиной около 150 километров был совершен в течение технологического цикла выпекания хлебобулочного изделия.

Токмаков Иван Алексеевич (9.11.1898 – 1946) Стал известен в Верхне-Лалье под прозвищем **Питеряк** из рода Зайцев. Причиной тому стала трагичная история из детства. Будучи в малолетнем возрасте мучился зубной болью. На помощь пришла старшая сестра Ульяна, двумя годами старше. Предложила полечить «царской водкой». Кто не помнит, - это смесь соляной и азотной кислот. Результат был плачевный. Мальчик стал инвалидом, чудом остался жив. Кислота уничтожила язык, зубы, дёсны. В последствии, когда Санкт-Петербург был уже переименован в Петроград, он был направлен на пластическую операцию по восстановлению лица. Будучи на длительном лечении в Питере (Петрограде) Иван обучился грамоте. По возвращению домой за ним закрепилось прозвище **Питеряк**. Это прозвище перекочевало на его детей, но как-то не отразилось на внуках.

В предвоенные годы Иван Алексеевич избирался председателем колхоза, но детская травма, выразившаяся в сильное искажение речи, не позволила исполнять эту должность.

Токмаков Михаил Иванович, 1933 г.р., (из рода Зайцев). Был вынужден бросить школу в 11 лет, окончив всего 4 класса, пойти работать. В 1946 году умер его отец, надо было самостоятельно зарабатывать на жизнь, годы были тяжелее военных, голодные. Продолжал работать до 76 лет, пока не появились проблемы с сердцем. Награжден многими Грамотами, ценными подарками, двумя медалями. В Верхне-Лалье 16 лет проработал комбайнером и механизатором МТФ. С конца 70-х годов живет в Республике Коми. В 80-х годах вместе с Михаилом Гавриловичем Абрамовым задался целью увековечить память шести сыновей Ивана Ивановича Токмакова (Лузанихина) и Матрены Егоровны. Вначале был поставлен памятный знак, затем уже гранитный монумент. Пока была возможность, навещал свой памятник. В настоящее время (21 век) за памятником присматривает Горячевский Павлин Михайлович.

Токмаков Валерий Алексеевич, 1948 г.р. (из рода Зайцев). Полковник Российской Армии в отставке, кандидат технических наук, занимался техническими средствами ведения разведки. Является автором научных работ и изобретений в области автоматизации радио- и радиотехнической разведки. В настоящее время живет в Москве, увлекается астрологией. В одной из московских компаний работает полиграфологом. В 1966 году закончил школу в Верхне-Лалье, в 1969 году Красноярское радиотехническое училище ПВО, служил в Южной Группе войск в Венгрии, в 1976 году закончил Военную Академию Связи с Золотой медалью. С 1976 года по 1998 год проходил службу в НИИ Генерального штаба Армии на различных должностях. В 1998 году вышел в отставку с должности заместителя начальника Научного управления и Генерального конструктора в звании полковника. Участник локальных войн, награжден орденом «За боевые Заслуги», медалями. Часто навещает Верхне-Лалье и своих братьев Михаила и Александра, сестру Надежду проживающих в с. Лальск, участвует в организуемых в В-Лалье школьных юбилеях. Ведёт фотоархив юбилейных встреч, участвует в московском землячестве Верхне-Лальцев.

Абрамов Михаил Гаврилович, 1926 г.р. (из рода Омеличей по отцу Абрамову Гаврилу Петровичу из рода Зайцев по матери Токмаковой Ульяне Алексеевне). Проходил службу во время ВОВ в офицерском звании с 1943 года по 1950 год в г.Каунасе в одной из воинских авиачастей. По увольнении из вооруженных сил в

городе Кирове поступил на службу в органы КГБ и вскоре был переведен для службы в г.Сыктывкар. Службу в органах госбезопасности окончил в середине 80-х годов в звании майор. Именно Михаилу Гавриловичу принадлежит идея увековечить память братьев Токмаковых со Стройкова, погибших на фронтах при защите Родины. Им же был сделан запрос в Лузский военный комиссариат на установку памятного знака, на который был получен ответ и разрешение на установку памятной таблички на месте проживания героев. Но при его жизни дело не было доведено до конца. Как уже ранее упоминалось, эта идея была реализована двоюродным братом Токмаковым Михаилом Ивановичем в конце 80-х годов. Михаил Гаврилович также был инициатором переселения огромного количества Верхне-Лальцев в Сыктывкар. Первая волна переселения прошла в 50-х годах, вторая в 70-х годах.

Примечание: * Речь от имени Токмакова Николая Михайловича

** Речь от имени Лазарева Бориса Иннокентьевича